

IGOR
KALINAUSKAS

paintings

ИГОРЬ КАЛИНАУСКАС родился 7 февраля 1945 года в Новгороде, в России. 30 лет известен как театральный режиссер и актер, выпускник театрального училища им. Щукина. Поставил 68 спектаклей на сценах многих городов Советского Союза.

20 лет известен как ученый и писатель, в настоящее время - доктор наук и профессор, вице-президент Академии МАИСУ. Игорь Калинаускас - автор многочисленный научных статей и монографий. Его книги "Наедине с Миром", "Духовное Сообщество", "Жить Надо", "Хорошо сидим" изданы более, чем стотысячным тиражем, и переведены с русского на английский, литовский и словацкий языки.

С 1996 года многогранную творческую натуру Игоря Калинаускаса увлекла живопись. В настоящее время его быстро прогрессирующее художественное творчество привлекает все более широкий круг ценителей живописи. Большинство его работ находится в частных коллекциях в России, Литве, Словакии, на Украине, Кипре, в Голандии.

paintings

IGOR

KALINAUSKAS

paintings

IGOR KALINAUSKAS

2002

ISBN 5-901222-12-1

БЛАГОДАРЮ МОИХ ДРУЗЕЙ ЗА ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ КАТАЛОГ

I AM GRATEFUL TO MY FRIENDS FOR THIS WONDERFUL CATALOGUE

ICH BEDANKE MICH BEI MEINEN FREUNDEN FÜR DIESEN WUNDERVOLLEN KATALOG

Igor Kalinauskas

© IGOR KALINAUSKAS, 2002

© ФОНД ЛИКИ КУЛЬТУР, 2002

Творчество, без которого невозможен художник,
есть побуждение, рожденное избытком внутренних сил.

И тогда творчество может проявиться в самой
разнообразной деятельности.

*Creativity without which an artist can not exist
is the inspiration born by the abundance of intrinsic powers.*

*And then creativity may become apparent
in the variety of activities.*

*Das Schaffen, ohne das der Maler nicht existieren kann,
ist die Inspiration, die durch den Übermaß an innerer
Kraft geboren wird. Und dann kann das Schaffen in
verschiedensten Tätigkeiten zum Vorschein kommen.*

Игорь Николаевич Калинаускас пришел к изобразительному искусству, когда уже миновал полувековой рубеж. Корабль с названием «Искусство» немало повозил его, причаливая в разных гаванях с именем «театр», «музыка», «литература», «психология», и, в конце концов, нашел пристанище в порту «Живопись».

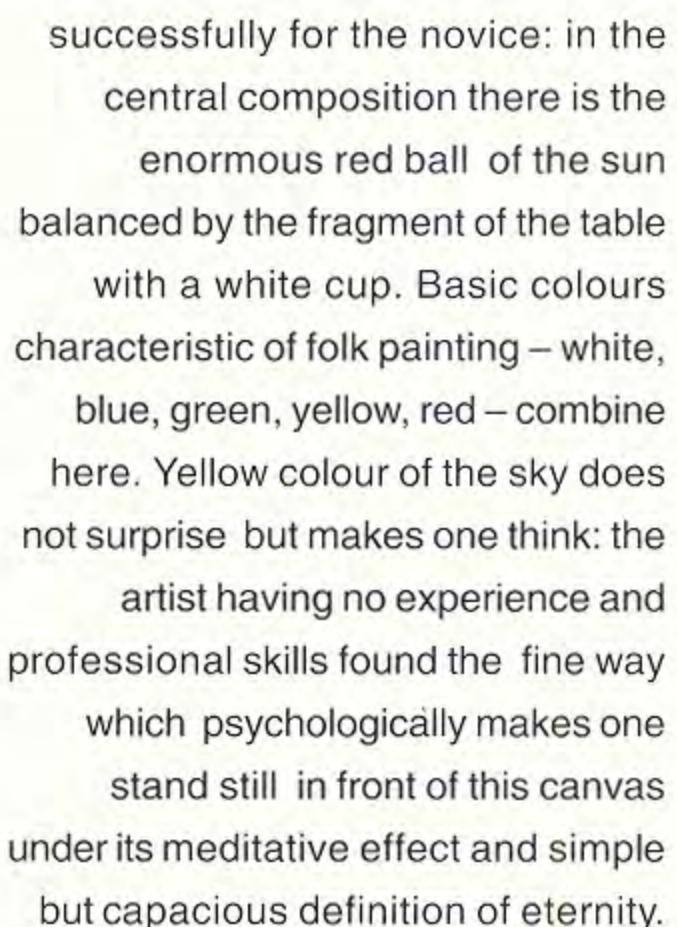
Обращение к живописи оказалось для художника настоящим открытием: от крошечных рисунков с изображением распускающихся листочков, которые он между делом рисовал прежде, неожиданно перешел к огромным пейзажным панно, сочным по цвету и наполненным невероятной жизненной силой. Это ощущение отражает позицию художника, для которого творчество – это реальная жизнь, полная удовольствий, превращающих банальность и скучку в эмоции и переживания и составляющие суть его мирских радостей.

Первый опыт большой картины в 1997 году («Чаша») даже для опытного монументалиста был бы задачей непростой. Панно трехметровой ширины было решено удивительно удачно для новичка: в центри-

Igor Nikolayevich Kalinauskas entered the world of fine arts already in his fifties. The ship called "Arts" moored him to different harbours named "Theatre", "Music", "Literature", "Psychology" until it finally found the refuge in the port of "Painting".

Transfer to painting became the real discovery to the artist: from tiny drawings of breaking leaves, which he used to draw earlier at odd moments, he unexpectedly turned to huge landscapes rich in colour and full of incredible force of life. This feeling reflects the attitude of the painter to whom creative work is the real life full of pleasures, able to turn banality and boredom into emotions and feelings and expressing the essence of his everyday joys.

The first experience of the large picture in 1997 ("The Cup") would be not an easy task even to an experienced monumentalist. A three-meter wide picture was solved extremely

successfully for the novice: in the central composition there is the enormous red ball of the sun balanced by the fragment of the table with a white cup. Basic colours characteristic of folk painting – white, blue, green, yellow, red – combine here. Yellow colour of the sky does not surprise but makes one think: the artist having no experience and professional skills found the fine way which psychologically makes one stand still in front of this canvas under its meditative effect and simple but capacious definition of eternity.

It seems that works of Kalinauskas are valuable because they are based not on the academic traditions but rather on the principles of national art with its laconicism and generalisation, with its brave colour solutions and extensive use of methods known in the world practice.

Kalinauskas is exceptional among his colleagues: it is difficult to include

ческой композиции огромный красный шар солнца уравновешен фрагментом стола с белой чашей. Здесь соединяются основные цвета, характерные для народной живописи – белый, синий, зеленый, желтый, красный. Желтый цвет неба не удивляет, но заставляет задуматься: автор, не обладающий опытом и наработанными приемами, нашел точный ход, который психологически заставляет замереть перед этим полотном, подчиняясь его медитативному воздействию и простому, но емкому определению вечности.

Видимо, в этом и заключается ценность творчества Калинаускаса, основанное не на академических традициях, но скорее на принципах национального искусства с его лаконизмом и обобщенностью, со смелыми цветовыми решениями и широтой использования известных в мировой практике приемов.

В среде собратьев по кисти Калинаускас занимает особое положение: его трудно вписать в многотысячную армию художников, носящих гордое имя профессионалов, поскольку Игорь Николаевич специально не учился живописи. В то же время спешить

включать его в круг известных наивистов тоже не стоит. В отличие от наивного искусства, которое как бы тихонько напевает и заставляет в простом увидеть прекрасное и безыскусное, творчество Калинаускаса заявляет о себе громогласно, здесь простое превращается в великое.

Сегодня это искусство кажется особо актуальным, поскольку в нем есть проблема и стремление ее обсудить. Художник не ограничивает себя масштабами одного жанра, как не ограничивает себя в жизни единственным увлечением, отдавая дань также музыке, философии, литературе и эзотерике. Его картины способны вызвать сопереживание, сочувствие, в них всегда есть загадка и возможность ее разрешения.

Темы трагедии или одиночества, звучащие в его работах, обретают масштабность, что раздвигает рамки холстов и превращает небольшие картины в монументальные полотна с внутренним потенциалом к их пространственному расширению. Владельцы картин Калинаускаса не раз отмечали, что его работы изменяют

him into the list of thousands of painters proudly called professionals as Igor Nikolajevich did not study painting academically. Neither is it worth to include him into the circle of prominent naivists. Different from the naïve art, which as if humming low makes one see the wonderful and unsophisticated in the simple, works of Kalinauskas announce themselves in a loud voice, here the simple turns into the great.

Today such kind of art seems extremely important as it comprises the problem and aspiration to solve and globalise it. The painter does not limit himself to only one genre, the same as in life he does not limit himself to the only passion, also paying a tribute to music, philosophy, literature and esoterics. His pictures can provoke mutual experience, empathy, they always have the mystery and possibility to unravel it.

Themes of tragedy or loneliness expressed in his works are extended at large, this widens the frames of his canvases and transforms pictures of smaller dimensions into monumental works with internal potential to their spatial expansion. Owners of Kalinauskas pictures note that his works change the space of the premises: under their decorative cogency sometimes an impulse, a movement is hidden.

Look, for example, at his picture "The One". However there are two pictures with the same name: in the first picture the subject is a tree and in the second – a cloud. The painter actively uses large surfaces of colour limiting the story to a single romantic idea reminding the unfinished melody, like in the Japanese poetry.

Speaking of the tree the cloud "pretends" to be the part of the crown, playfully sitting on its top. In the

пространство помещений: за их декоративной убедительностью подчас прячется импульс, движение.

Взгляните, к примеру, на его картину «Один». Впрочем, у него есть две картины с таким названием: на одной главным героем предстает дерево, на другой – облако. Художник активно использует большие цветовые плоскости, ограничивая повествование до одной романтической идеи, напоминающей незаконченную мелодию, как в японской поэзии.

В случае с деревом облако «притворяется» частью кроны, забавно усевшись на нее сверху. Во второй картине облако, сжатое в пружину, кажется комичным и любопытным фантастическим зверьком, забравшимся на небо. Однако юмор в произведениях Калинаускаса – не главное качество. Вообще, Игорь Николаевич необыкновенно серьезен во всем, что делает, придавая каждому действу ритуальное значение. Кажется, что живопись заполняет его жизнь так же, как краска заполняет фактуру холста, или голос – каждый уголок зала, откликаясь в дрожании стекол.

«Видение священного града» - впечатления от посещения Иерусалима. Город, стоящий на холме, сияет розовым светом, и на него с неба изливается мощный белый поток, словно вода льется сквозь невидимое отверстие в небесном своде. Возможно, сюжет этой картины родился в результате рассказов о легендарной религиозной истории этого города. Возможно, картина явилась художнику во сне, либо он увидел ее прямо на холсте.

Важно не это: мы, зрители, смотрим глазами художника на эту розовую раковину, орошающую небесным сиянием, как на диво, сказочное чудо. Словно неизвестный рассказчик придумывает новую-старую историю: «Зашло солнце, но вдруг свет пришел с неба, и озарился город струями небесного благословения, и красная земля пустыни окрасила город розовым. Жители замерли в своих домах и задумались о значительности этой минуты...» Что-то в этом роде, а может, это была другая история, но впечатление от нее было столь же сильным.

Тот же красный цвет пустыни оказался фоном для распятого Христа в картине

second picture [the cloud](#), compressed into a spring, looks like a comic and curious fantastic animal which climbed into the sky. Nevertheless, humour in the works of Kalinauskas is not the main feature. In general, the artist is absolutely serious in everything he does, giving [every](#) act the ritual meaning. It seems that art fills up his life like the [colour](#) fills up the texture of the canvas, or like the voice fills up every corner of [the hall](#) echoing in the vibration of the windows.

“Vision of the [Holy City](#)” is the impression after [visiting](#) Jerusalem. The city on the [hill](#) is shining in pink and the powerful [white stream](#) is pouring over it from the [sky](#), as if water flows through the invisible opening in the heavenly dome. It is possible that the subject of this picture was born as the result of the stories of the legendary religious history of this city. Perhaps the painter saw this [picture](#) in his dream, or he simply saw it directly on the canvas.

But this is not important: we, the audience, take the painter's side and look at this pink shell sprinkled by the shining sky like at the wonder, a fairy tale miracle. As if an unknown story-teller invents the new-old story: "The sun set down and suddenly the light came from the sky and the city was lit up with the torrents of the sky blessing, and the red snake of the desert coloured the city in pink. The inhabitants froze inside their homes thinking of the importance of that minute..." Something like this, or perhaps that was the different story but the impression of it was very strong.

The same red colour of the desert serves as the background for the crucified Christ in the picture "Black Sun of Calvary". The painter delicately removed the image of the cross and blood-stained parts of hands and feet from the known episode. Anatomical incompleteness of the figure becomes unimportant: mysterious source of light is behind the back of Christ, and the rays spreading from the middle of the canvas into different sides visually widen the frames of the work

«Черное солнце Голгофы». Художник деликатно удалил из знакомого сюжета изображение креста и окровавленных частей рук и ног. Анатомическое несовершенство фигуры не имеет значения: загадочный источник света помещен за спиной Христа, и его лучи, расходясь от середины холста в разные стороны, зрительно раздвигают рамки работы и превращают маленькую картину в монументальное полотно.

Этот эффект часто встречается в работах художника: одно время он даже создавал серию холстов под названием «Шалости». Они представляют собой круги, в которых живописные мазки вращаются вокруг центральной точки по спирали, либо расширяющимися окружностями, и зовутся «Запахами» и «Наслоениями» («Запах вишни», «Гранатовый браслет», «Чашка кофе», «Искушение», «Запах женщины», «Улитка» и другие).

А вот еще одна красная картина – «Восхищение Ван Гогом». Излюбленная художником солнечная спираль служит

магнитом для вишневых кипарисов, обрамляющих такую же вишневую дорогу. Ровная желтизна неба цветом напоминает раскаленное масло. Работа очень эмоциональна, в ней звучат живые сочные музыкальные ритмы, которые буквально отражают движение кисти по холсту: вот ровные линии дороги, выше - энергичное и быстрое дрожание линий кустарника, похожих на зарождающиеся эмбрионы, затем волнистые медлительные линии вырастают до неба, как языки огня, трогающие солнечный шар, вращающийся в «масле» неба. Картина как бы «вылеплена» на одном дыхании, художнику даже некогда было замешать на палитре другой цвет – все ограничивается красным и желтым.

«Свет вылепил меня из тьмы» - уверяет художник своим автопортретом, и выглядит наш современник, как древний человек тех брутальных времен, когда первые племена наших предков утверждались на земле. Мистический взгляд, скульптурно окаменелое лицо – образ суров, по-видимому, отражаю лишь одну из черт личности Игоря Калинаускаса, за внешностью которого

and transform the small picture into the monumental canvas.

Such effect is often found in the works of the painter: some time ago he even created a series of canvases called “Pranks”. They picture circles where vivid strokes turn round the central point in a spiral or concentric circles, and which are called “The Smells” and “The Moods” (“The Smell of Cherry”, “A Garnet Bracelet”, “A Cup of Coffee”, “Temptation”, “The Smell of the Woman”, “A Snail” and others).

And here is one more red picture – “Admiring Van Gogh”. Painter’s favourite spiral of the sun serves as the magnet to cherry cypresses framing a cherry road. The colour of even yellow sky looks like hot glowing oil. The work is very emotional, as though alive rich music rhythms, reflecting the movement of the brush on the canvas, sound here: here are the even lines of the road, higher there is energetic and quick

vibration of the lines of bushes, looking like conceived embryos, then wavy slow lines grow up to the sky, as if the tongues of flames touch the disc of the sun rotating in the "oil" of the sky. The picture is "shaped" in a single breath; the painter even had no time to mix different colours on the palette, everything is limited just to red and yellow.

"Light Shaped Me out of Darkness", says the painter by his self-portrait where our contemporary looks like an ancient man from those brutal times when the first tribes of our ancestors were gaining foothold on the earth. Mysterious look, stone fixed face – the image is severe, reflecting perhaps the only one of the features of the extremely multifaceted personality of Igor Kalinauskas. The painter thinks that virtually every person is diverse and that it is only necessary to learn the language of the conversation with one's self in order to find the way in the real world.

In the portrait of a woman called "The Enlightened" the look of the subject is also directed towards the spectator. The background of the

скрывается множество типажей, которые проявляются в разных жизненных ситуациях. Художник считает, что любой человек по сути своей разнообразен, и необходимо лишь научиться языку общения с самим собой, чтобы легко ориентироваться в реальном мире.

В женском портрете, названном «Просветленная», взгляд портретируемой также устремлен на зрителя. Если фоном автопортрета служит черный цвет, то для женского образа выбран голубой фон, в результате, в первом случае лицо действительно как бы выходит из тьмы прямо на зрителя, во втором женское лицо спокойно и неподвижно в пространстве голубого, отраженного в цвете ее глаз.

Игра с пространством в картинах художника увлекает: «Забытая Европа», заросший высокой травой фрагмент словацкого кладбища с чугунными крестами и сложными деталями украшений – взгляд сверху через камеру фотообъектива с ощущением движения вглубь; «Рождение», два белых бес-

плотных ангела на голубом фоне – ощущение глубины за счет все того же воронкообразного круга, и расходящегося пространства за пределами краев картины, благодаря сжатым телам размытых фигур; «Дорога в сиреневую долину» - горный пейзаж с ясным чувством поступательного движения вглубь; «Петр» - удивительный морской остров, звучащий, как хорал в огромном пространстве неба.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление в этом смысле производит одна из последних работ Игоря Калинаускаса под названием «Врата». В вихре желто-коричневых с лиловым отливом облаков, взлетающих, как театральные декорации, кипит небесный огонь. Мистическая картина вихреобразных туч, открывающих первобытное солнце, содержит сильный внутренний импульс, какой бывает в момент концентрации внимания. В такие минуты действуют особые силы, в разных религиях и учениях имеющих различное объяснение. Но суть одна: сила, которая кажется подвластной человеку, способна лишить его чувства реальности, надвигаясь страшно,

above-mentioned self-portrait is black but the background of the woman's image is sky-blue; as the result the face on the first picture as if really coming out of the darkness directly towards the spectator, in the second picture the face of the woman is quiet and immovable in the space of sky-blue colour reflected in her eyes.

The play with the space in the painter's pictures is fascinating: "Forgotten Europe" is a fragment of a Slovakian graveyard overgrown with grass, with iron cast crosses and intricate details of decoration, where the glance from above through the lens of the camera creates the sensation of the movement into the depth; "Birth" pictures two white immaterial angels on the sky-blue background and the sensation of the depth is achieved by the same funnel-shaped circle, and the impression of the space expanding beyond the boundaries of the picture is achieved by condensed images of fading figures; "The Road to a Lilac Valley" is a mountain landscape having a

clear feeling of forward motion into the depth;
“Piotr” pictures a wonderful sea island sounding
like a chorale in the huge space of the sky.

Perhaps the strongest impression is created in one of the last works by Igor Kalinauskas called “The Gate”. The fire of the sky is burning in the whirlwind of yellowish-brown, with a lilac tint, clouds, rising like theatre decorations.

Mystic picture of the whirlwind clouds, opening the primeval sun, carries on the strong intrinsic impulse of concentration. At such moments special forces are acting, which are differently described in various religions and teachings. Only one thing is clear: the force which seems manageable to the man is able to take away the sense of reality from him, approaching awfully like a natural element, destroying everything on its way. This force is outside and inside the person. The attempt by the painter to come closer to its understanding is dangerous, but it captures, enchants and gives the art the real meaning of eternal search and the unrevealed.

как природная стихия, уничтожающая все на своем пути. Эта сила вне человека и внутри него. Попытка художника приблизиться к ее пониманию граничит с опасностью, но она захватывает, овладывает и придает творчеству настоящий смысл вечного поиска и недосказанности.

OLGA KASYANENKO,
Art Critic

ОЛЬГА КАСЬЯНЕНКО,
искусствовед

Работы художника Игоря Калинаускаса торжают своей волнующей простотой и силой вдохновения. Разные технические и концептуальные уловки, присущие современным художникам, в творчестве данного автора как бы не имеют значения. Неважно, порядок ли мысленных образов одерживает победу над реальным миром или наоборот, потому, что главное – сохранить верность своему сердцу и душе- двум путеводителям на пути к постижению “непостижимой” мудрости, к горнему свету, который в то же самое время есть непроницаемая тьма. Подобно великому персидскому поэту-суфию Джалаль аль-Дину Руми, И. Калинаускас может с уверенностью сказать:

*Мне чужды Запад и Восток, моря и горы – я ничей.
Живу вне четырех стихий, не раб ни неба ни земли,
Я в нынешнем, я в прошлом дне – теку, меняясь
как ручей.*

Как духовный учитель и режиссер “магического театра жизни”, а также и живописец (как в прямом, так и переносном смысле этого слова), И. Калинаускас твердо осознает свое призвание и не колеблется в своей решимости постичь хотя бы отблеск

Igor Kalinauskas is an artist whose pictures are marked by the remarkable simplicity and inspiration. The artist pays no attention to various technical and conceptual innovations used by the contemporary painters, because the aim of his creative work is spiritual. The main thing is not to choose between the real world and the world of simulacra, but to preserve faithfulness to our heart and our soul, two guides on the path towards the ineffable wisdom and divine light which is at the same time tantamount to the impenetrable darkness. I. Kalinauskas could agree with the great Persian Sufi Poet Jalal al-Din Rumi who says as follows:

*I don't belong to the East or to the West;
Neither to land nor to sea.
I am not stamped from Nature's types,
Nor from Heaven's archetypes.*

As a spiritual master and director of the magic theatre of life, I. Kalinauskas certainly is aware of his mission and

tries to comprehend the mystery of being at least in images, because the human speech is powerless and simply disappears in front of this supreme mystery. The artist understands the divine character of cosmic games as well as futility of our existence. But any sort of nihilism is foreign to him. On the contrary, I. Kalinauskas is able to show that beauty of the soul can be experienced both as the outer reality of things and as the inner reality of spirit, or rather as a dream about the first principle which is revealed here and now in the form of the psychic mirage. The only thing we need is to contemplate the world with eyes transformed by the celestial flame. According to al-Ghazali, the incapacity to know the Almighty is the real knowledge of Him.

Some pictures of I. Kalinauskas are full of childish naivete close to the so-called Western Primitivist painting of the XX century. But at the same time the artist is searching for a deeper philosophical meaning. Therefore the pictures reflect the

тайны бытия, перед лицом которой молчанье человеческая речь и исчезают все светозарные образы танцующей богини Майи. В этом смысле он и тайнописец, и скептически настроенный игрок, осознающий как божественный характер, так и пустоту (а вместе с ней и тщетность) мира сего. Но нигилизм автору чужд. Напротив, И. Калинаускас стремится показать, что неуловимая красота души, отраженная во внешних предметах и переживаемая как внутренняя реальность духа, как мечта о непостижимой первооснове, открывает нам доступ к истине здесь и сейчас. Надо только научиться смотреть на мир иными глазами, как бы чувствуя прикосновение небесного пламени, ибо, согласно аль-Газали, “бессилие познать до конца есть познание, слава Тому, кто создал для людей путь к Его познанию только через бессилие познать Его”.

Многим произведениям И. Калинаускаса свойственна почти детская наивность, характерная западным примитивистам XX века, но вместе с тем художник вкладывает в свои картины особый философский

смысл, отражающий основные принципы его духовно – эстетической стратегии. В этом отношении творчество автора как бы направляется в русло “эзотерической педагогики” и становится символом для медитации, внешним толчком для постижения содержания, которое скрывается под маской незамысловатой внешности. Поэтому автор часто не обращает внимания на классические стандарты живописи и парадоксально сочетает разные стилистические черты, как бы играя с традицией и вместе с тем своеобразно продолжая ее. Главное в этой игре – реализму, символизму, фовинизму или примитивизму относится картина, а то, что работы эти источают духовную энергию, способную не только затронуть внимательного зрителя, но и преобразить его, настроить на созерцание.

Во многих произведениях художника чувствуется нечто романтическое и монументальное. Нежность мечтательного поэта и стойкость воина соединяются в одно целое. Поэтому, несмотря на лирический пафос, мотивы, выбираемые автором, сугубо лаконичны и символичны. В этом кро-

main principles of his aesthetic and spiritual attitudes. From this point of view, the creative work of I. Kalinauskas has an esoteric character and his pictures can be regarded as the special means for meditation, or incitements to search for the secret doctrine concealed behind the primitive surface. For this reason the artist quite frequently pays no attention to the classical standards of painting and reconciles different stylistic elements as if playing with tradition and trying to carry it on. I. Kalinauskas is able to harmonize certain romantic feelings and monumentality. His motifs are both laconic and powerful. Sometimes the artist uses just fewer colours and his pictures are close to monochromic. While using the minimum of means he achieves the maximum of effect.

The landscapes painted by I. Kalinauskas (despite some features

characteristic of the primitive baroque or realism) have certain symbolic meaning and sometimes can be regarded as the allegories of purely spiritual insights.

The inner fire is among the favourite themes of the artist. He wishes to reveal an angelic nature of our soul and follows the path of creative imagination which

leads to the heart of Reality itself. The imagination of fire consists in the simple association of two words: fire and bird.

According to Gaston Bachelard, when these flashes of fire, or flight, surprise us in our contemplation, they appear to our eyes as heightened, universal moments not so much ours as given to us, moments which mark the memory and

return in dreams, retaining their imaginary dynamism. Similarly we can speak about air and clouds: an image of the sky which is turned into a kind of icon by the artist. However, to look for the cause

behind an image is to lose touch with what is most essential about it, and to forego the opportunity to experience the immediacy of its psychic powers. But the

ется их сила, ибо всегда выделяется доминирующая идея картины, которая становится живописной метафорой или знаком, раскрывающим замысел автора. И. Калинаускас бережно относится к цвету и постоянно тяготеет к монохромии, стараясь минимальными средствами достичь максимальный эффект. Его пейзажи имеют явную символическую нагрузку и часто становятся аллегориями духовного прозрения. Мир как бы распадается на первоначальные элементы- землю, воду, воздух, огонь. Особо подчеркивается параллель между внешним пламенем и внутренним огнем, указывающим на божественную природу души и ее имманентную связь с промежуточной сферой воображения- миром бесплотных ангелов и демонов.

Создается впечатление, что И. Калинаускас ищет такое отношение между субъектом и объектом, при котором субъект не только исчезает в океане Реальности, но и сама Реальность становится конкретным человеческим субъектом- зрителем, присутствие кото-

рого творит внешний объект, превращая его в участника эстетической “исповеди”. Поэтому художник как бы предлагает нам переступить порог обыденного сознания и почувствовать огненный трепет души, похожей на чудесный цветок, который раскрывается не по графику установленному суэтным разумом. А только по милости всеобщего Бытия, находящего свое воплощение в образе веры, любви и надежды.

Согласно П.А. Флоренскому, “чем онтологичнее духовное постижение, тем бесспорнее принимается оно как что-то давно знакомое, давно жданное человеческим сознанием. Да и в самом деле, оно есть радостная весть из родимых глубин бытия, забытая, но втайне лелеемая память о духовной родине”. Картины И. Калинаускаса как раз имеют редкое качество служить не помехой, а наставлением на пути к очищению души и ее обновлению.

images created by the artist are able to transform our daily consciousness, to turn it into a reverie. Therefore the pictures by I. Kalinauskas may be compared not only to the beautiful poetic metaphors expressed by the language of colours and forms, but also to the symbols of our psychic attitudes aimed at the unspeakable truth.

АЛГИС УЖДАВИНИС,

Доктор философских наук, научный сотрудник
Литовского института Культуры, философии
и искусства

ALGIS UŽDAVINYS, Phil. Dr.

Research Fellow at the Lithuanian
Institute of Culture, Philosophy and Art

Igor Nikolajewitsch Kalinauskas kam zur bildenden Kunst, als er bereits die fünfzigjährige Grenze überschritten hatte. Das Schiff namens "Kunst" hat ihn überall herum gefahren, indem es in verschiedene Häfen namens "Theater", "Musik", "Literatur", "Psychologie" einlief bis es endlich seine Anlegestelle im Hafen der "Malerei" gefunden hat.

Das Wenden zur Malerei erwies sich für den Maler als eine wahre Entdeckung, er ging unerwartet von dem Malen winziger Bilder aufbrechender Knospen, die er früher beiläufig malte, zu den riesigen Landschaftsmonumentalgemälden über, die durch Farben- und unwahrscheinliche Lebenskraft geprägt waren. Diese Empfindung widerspiegelt die Stellungnahme des Malers, der das Schaffen als ein reales Leben voller Vergnügen auffaßt, die Banalität und Langeweile in Emotionen umwandeln und das Wesen seiner weltlichen Freuden ausmachen.

Die erste Erfahrung des großen Bildes 1997 ("Der Becher") wäre sogar für einen

erfahrenen Monumentalmaler eine nicht gerade leichte Aufgabe. Das 3 m breite Monumentalgemälde hat der Neuling erstaunlich erfolgreich gelöst – im Zentrum der Komposition wird der enorm große rote Ball der Sonne durch das Fragment des Tisches mit einem weißen Becher ausgeglichen. Hier verbinden sich die volksmalereiüblichen Grundfarben weiß, blau, grün, gelb, rot. Die gelbe Farbe des Himmels verwundert nicht, sondern zwingt zum Nachdenken: Der Autor, dem es an Erfahrung und ausgearbeiteten Fertigkeiten mangelt, fand einen genauen psychologischen Zug, der einen zwingt, vor dieser Leinwand unter ihrer meditativen Einwirkung und einer einfachen aber tiefen Darstellung der Ewigkeit zu erstarren. Darin besteht wahrscheinlich der Wert des Schaffens von Kalinauskas, das nicht auf akademischen Traditionen basiert, sondern eher auf den Grundsätzen der Volkskunst mit ihrem lakonischen Ausdruck und Verallgemeinerung, mit mutigen Farblösungen und breiter Anwendung in der Weltpraxis bekannter Methoden. Unter den Kollegen nimmt Kalinauskas einen besonderen Platz ein. Es ist schwierig, ihn zu tausendfacher Armee der stolz den Namen eines Profis tragenden Künstler zu zählen, da

er das Malen nicht gelern hat. Andererseits lässt er sich den Kreisen bekannter Naivisten auch nicht zuzuordnen. Im Unterschied zu der naiven Kunst, die kleinlaut versucht, zu zwingen, in dem Unkomplizierten das Schöne und das Einfache einzusehen, meldet sich das Schaffen von Kalinauskas mit einer lauten Stimme, da verwandelt sich das Einfache in das Große.

Heutzutage scheint diese Kunst besonders aktuell zu sein, da sich darin ein Problem und das Streben es zu lösen bergen. Der Maler beschränkt sich nicht nur auf ein Genre, genauso wie er sich im Leben nicht nur auf eine Begeisterung beschränkt, sondern zahlt auch Tribut der Musik, der Philosophie, der Literatur und der Äsotherik. Seine Bilder sind imstande, Mitgefühl, Anteilnahme auszulösen, sie enthalten immer ein Rätsel und die Möglichkeit es zu lösen.

Themen der Tragödie und der Einsamkeit, die in seinen Werken vertreten sind, gewinnen an Maßstäblichkeit, was die Rahmen der Leinwände verschwinden lassen und kleine Bilder in die Monumentalgemälde mit einem inneren Potential zur räumlichen Erweiterung verwandeln. Die Besitzer der Bilder von Kalinauskas haben öfters bemerkt, daß seine Arbeiten die Räume verändern: hinter

ihrer dekorativen Überzeugungskraft verbirgt sich manchmal ein Impuls, eine Bewegung.

Betrachten Sie z.B. sein Bild "Allein". Eigentlich hat er zwei Bilder, die diesen Titel tragen – das eine stellt einen Baum, das andere eine Wolke dar. Der Maler verwendet sehr gerne große Farbflächen und beschränkt die Geschichte auf eine romantische Idee, die einer unbeendeten Melodie, wie in der japanischen Poesie, ähnelt.

Im Fall mit dem Baum tut die Wolke so, als ob sie ein Teil der Laubkrone wäre, indem sie sich spielerisch oben auf den Baum niederläßt. Auf dem zweiten Bild erscheint die spiralförmige Wolke als ein neugieriges fantastisches kleines Tier, das hoch in den Himmel gestiegen ist. Allerdings ist der Humor in den Werken von Kalinauskas nicht die wichtigste Eigenschaft. Eigentlich ist Igor Nikolajewisch außerordentlich ernst in allem, was er tut, und

verleiht jeder seiner Handlungen eine rituelle Bedeutung. Es scheint, daß die Malerei sein Leben genauso füllt, wie die Farbe die Faktur der Leinwand oder die Stimme jede Ecke des Saals, in dem sie sich im Klingen der Fenster widerhällt.

“Vision der heiligen Stadt” sind die Eindrücke vom Besuch in Jerusalem.

Die auf der Hügel liegende Stadt glänzt im rosafarbenen Licht und ist von einem gewaltigen weißen Strom überfüllt, als ob Wasser durch ein unsichtbares Loch in dem Himmel fließe. Wahrscheinlich ist das Sujet dieses Bildes unter dem Einfluß der Erzählungen von der religiösen Geschichte dieser Stadt geboren. Angeblich hat der Maler das Bild entweder im Traum, oder sofort auf dem Bild gesehen.

Aber nicht dies ist wichtig: Wir, Zuschauer, betrachten diese rosafarbene mit himmlischem Licht überflutete Muschel mit den Augen des Dichters, wie ein

Wunder, ein märchenhaftes Wunder. Als ob ein unbekannter Erzähler eine neue-alte Geschichte erfinden würde: die Sonne ging nieder, aber plötzlich kam das Licht vom Himmel, und die Stadt erstrahlte in Strömen himmlischen Segens, und die rote Erde der Wüste färbte die Stadt in den Rosaton. Die Bewohner hielten in ihren Häusern inne und fielen in die Nachdenklichkeit über die Bedeutsamkeit dieser Minute...” Oder so in der Art. Oder, vielleicht, war es eine andere Geschichte, der Eindruck aber wargenauso stark.

Dieselbe rote Farbe der Wüste erwies sich als Hintergrund für den Kruzifix im Bild “Die schwarze Sonne von Golgota”. Der Maler entfernte delikat aus dem bekannten Sujet die Motive des Kreuzes und der blutbeschmierten Hände und Beinteile. Die anathomische Unvollständigkeit spielt aber keine Rolle: eine geheimnisvolle Lichtquelle ist hinter dem Rücken Christi platziert und ihre Strahlen gehen von der Mitte der Leinwand in verschiedene Richtungen, indem sie optisch den Rahmen sprengen und das kleine Bild in ein Monumentalgemälde verwandeln. Diesen Efekt finden wir oft in den Werken des

Malers: eine Zeitlang hat er sogar eine Bilder-Serie unter dem Namen "Spielereien" gemacht. Sie stellen Kreise dar, in denen malerische Pinselstriche sich entweder spiralförmig, oder in immer größer werdenden Kreisen um den Mittelpunkt drehen und sich "Düfte" und "Stimmungen" nennen ("Duft der Kirsche", "Der Granatarmreif", "Eine Tasse Kaffee", "Duft einer Frau", "Die Schnecke" u.a.)

Und hier noch ein rotes Bild - "Begeisterung für Van Gogh". Die vom Maler bevorzugte Sonnenspirale dient hier zum Magneten für die kirschenroten Zypressen, die einen ebenso kirschenroten Weg einrahmen. Das glatte Gelb des Himmels erinnert an die erhitzte Butter. Die Arbeit ist sehr emotionell, darin klingen lebendige, klare, reine, musikalische Rhythmen, die quasi die Pinselstriche auf der Leinwand widerspiegeln: da sehen wir die geraden Linien der Straße, etwas höher – ein energisches und schnelles Zittern der Strauch-Linien, die den sich entwickelnden Embryos ähneln, dann steigen die wellenartigen langsamten Linien, wie Feuerzungen, die den Sonnenball, der sich in der "Butter" des Himmels wälzt, anfassen, bis zum Himmel hinauf. Das Bild ist quasi wie in einem Atemzug entstanden, der Maler hatte nicht mal Zeit, eine andere Farbe auf der Palette zu mischen – alles beschränkt sich auf Rot und Gelb.

"Das Licht hat mich aus der Dunkelheit geformt"- beteuert der Maler mit seinem Autoporträt und so sieht er, unser Zeitgenosse, auf dem Bild wie ein Urmensch jener brutalen Zeiten aus, als die ersten Stämme unserer Vorfahren sich auf der Erde zu behaupten versuchten.

Ein mystischer Blick, versteinertes Gesicht einer Statue – die Gestalt ist zornig, es widerspiegelt, wahrscheinlich, nur einen

Persönlichkeitszug von Igor Kalinauskas, hinter dem Äußeren dessen sich unzählige Typenarten bergen, die in verschiedenen Lebenssituationen zum Vorschein kommen.

Der Maler ist der Meinung, daß jeder Mensch seinem Grund nach verschieden ist und es notwendig ist, nur die Sprache des Umgangs mit sich selbst zu lernen, damit man sich leicht in der realen Welt orientieren kann.

In dem Porträt einer Frau "Die Erleuchtete", ist der Blick der

Heldin auch auf den Zuschauer gerichtet. Im Unterschied zu dem Selbstdnis mit dem schwarzen Hintergrund, ist der Hintergrund für das

Porträt einer Frauengestalt hellblau, was zur Folge trägt, daß im ersten Fall das Gesicht quasi aus der Dunkelheit auf den Zuschauer zukommt und im zweiten Fall ruht das Frauengesicht unbeweglich im Raum des Blauen, das sich in ihrer Augenfarbe widerspiegelt.

Das Spiel mit dem Raum in den Werken des Malers zieht an: "Das vergessene Europa" stellt einen durch das Fotoobjektiv einer Kamera spürbar in die Tiefe gehenden Blick von oben auf ein mit Gras überwachsenes Fragment eines alten slowakischen Friedhofes mit den gusseisernen Kreuzen und verschnörkelten Details der Verzierungen dar; "Die Geburt" stellt zwei weiße geschlechtslose Engel vor einem hellblauen Hintergrund dar. Eine spürbare Tiefe wird durch denselben trichterähnlichen Kreis und durch über

den Bilderrahmen hinausgehenden Raum, bzw. dank zusammengepreßten Körpern verschwommener Figuren gewonnen. "Der Weg ins Fliedertal" stellt eine Berglandschaft dar, wobei man sehr klar eine Bewegung in die Tiefe verspürt. "Pjotr" ist eine wunderbare Seeinsel, die in dem immens großen Raum des Himmels wie ein Choral klingt. In diesem Sinne macht wohl den stärksten Eindruck eines der letzten Bilder von Igor Kalinauskas "Das Tor". Im Sturm gelb-brauner mit lilafarbenen Schattierungen, in die Höhe, wie eine Theaterdekoration strebenden Wolken, kocht das himmlische Feuer. Dieses mystische Bild wirbelsturmähnlicher Wolken, die die Ursonne zum Vorschein kommen lassen, enthält einen starken inneren Impuls, welcher in Momenten der Konzentration der Aufmerksamkeit empfunden wird. In solchen Minuten wirken besondere Kräfte, die in verschiedenen Religionen und Lehren unterschiedliche Erklärungen finden. Der Grundgedanke ist aber eins: die scheinbar dem Menschen untergeordnete Gewalt ist imstande, dem Menschen das Realitätsgefühl zu rauben, indem sie sich wie eine Naturgewalt, die alles auf ihrem Weg

vernichtet, nähert. Diese Gewalt lebt sowohl außerhalb, als auch in dem Menschen.

Der Versuch des Malers, an diese Gewalten näherzukommen, sie zu verstehen versuchen, ist gefahrsvoll, aber es fasziniert, verzaubert und verleiht dem Schaffen den wirklichen Sinn der ewigen Suche und des Verschwiegenen.

OLGA KASJANENKO
Kunstwissenschaftler

Die Werke von I.Kalinauskas faszinieren durch seine erregernde Einfachheit und die Inspirationskraft. Verschiedene technischen und konzepuellen, von anderen heutigen Malern sehr beliebten, Methoden spielen im Schaffen des Malers quasi keine Rolle. Es ist unwichtig, wer gewinnt- ausgedachte Gestalten oder die der realen Welt, - Hauptsache ist es, die Treue seinem Herzen und seiner Seele zu bewahren – den zwei Wegweisern auf dem Weg zur “unerreichbaren” Weisheit, zum himmlischen Licht, das zugleich auch eine undurchsichtige Dunkelheit ist. Wie der große persische Sufi - Dichter Jalal al-Din Rumi, kann auch I.Kalinauskas mit Sicherheit sagen:

Mir sind Westen und Osten, Seen und Berge fremd - ich gehöre niemandem. Ich lebe außer vier Naturgewalten, bin kein Sklave weder des Himmels, noch der Erde. Auf dem heutigen und auf dem vergangenen Boden fließe ich wie ein sich wandelndes Bach.

Wie ein geistiger Lehrer und Regisseur des “magischen Theaters des Lebens”,

auch als Künstler (sowohl im direkten als auch im indirekten Sinne des Wortes) bekennt er sich fest zu seiner Berufung und zögert nicht in seiner Entschiedenheit, wenigstens den Widerschein des Geheimnisses des Seins zu erhaschen, vor wessen Antlitz die menschliche Rede verstummt und alle lichterfüllten Gestalten der tanzenden Göttin Maja verschwinden. In diesem Sinne ist er sowohl ein Geheimnisschreiber, als auch ein skeptisch gelaunter Spieler, dem sowohl der göttliche Charakter, als auch die Leere (und zugleich auch die Vergeblichkeit) dieser Welt bewußt sind. Nihilismus ist aber dem Autor fremd. Eher umgekehrt, versucht I.Kalinauskas zu zeigen, daß die unsichtbare, sich in den äußersten Gegenständen wider- spiegelnde und als innere Realität des Geistes empfindbare Schönheit der Seele, als der Traum vom unerreichbaren Ursprung, für uns den Zugang zur Wahrheit hier und heute öffnet. Man muß nur auf die Welt mit anderen Augen sehen lernen, als ob wir die Berührung des himmlischen Feuers fühlen würden, weil, laut al-Gazali “die Kraftlosigkeit bis zum Ende zu erkennen die Erkenntnis ist, gepriesen sei Der, Der den Weg für die Menschen zu Seiner Erkenntnis nur durch die Kraftlosigkeit Ihn zu erkennen schuf.”

Vielen Werken von I.Kalinauskas ist beinahe kindliche allen westlichen Primitivisten des 20.Jhs. charakteristische Naivität eigen, aber zugleich legt der Maler in seine Bilder einen besonderen philosophischen Sinn hinein, der die Grundprinzipien seiner geistig-ästhetischen Strategie widerspiegelt. In diesem Sinne wird das Schaffen des Autors Richtung "Äsotherische Pädagogik" gelenkt und wird zum Meditationssymbol, zu einem äußeren Anstoß zur Enschlüsselung des Inhalts, der sich unter dem einfachen Äußeren birgt. Aus diesem Grunde beachtet der Maler oft die klassischen Standards der Malerei nicht und verbindet paradoxe Weise verschiedene stilistischen Züge, als ob er mit der Tradition spielen und zugleich sie eigenartig fortsetzen würde. Das Wichtigste in diesem Spiel ist nicht die Zuteilung der Bilder zu einem Kunststil – Realismus, Symbolismus, Fauvinismus oder Primitivismus – sondern eher, daß diese Werke eine geistige Energie ausstrahlen, die einen aufmerksamen Zuschauer nicht nur bewegen, sondern auch ihn umwandeln, in die Beschaulichkeit bringen können.

In vielen Werken des Malers spürt man etwas Romantisches und Monumentales. Die Zärtlichkeit eines träumerischen Dichters und die Standhaftigkeit eines Kriegers verschmelzen zu einem Ganzen. Deswegen, trotz des lyrischen Pathos, sind die vom Autor gewählten

Motive sehr lakonisch und symbolisch. Darin verbirgt sich ihre Kraft, weil die dominierende Idee des Bildes unverhüllt bleibt und zur malerischen Metapher oder zum Zeichen wird, das die Absicht des Autors zum Vorschein kommen läßt. I.Kalinauskas geht sorgsam mit der Farbe um und tendiert ständig zur Monochromie, indem er mit minimalen Mitteln den maximalen Effekt zu erreichen strebt. Seine Landschaften sind eher dem Symbolismus zuzuschreiben und werden oft zu Allegorien geistiger Einsichten. Als ob die Welt in die Urelemente – Erde, Wasser, Luft, Feuer - zerfallen würde. Besonders wird die Parallele zwischen der äußeren Flamme und dem inneren Feuer unterzeichnet, das auf die göttliche Herkunft der Seele und ihre Verbindung zur Zwischensphäre der Einbildung, der Welt leibloser Engel und Dämonen, hinweist.

Es entsteht der Eindruck, daß I.Kalinauskas eine solche Verbindung zwischen Subjekt und Objekt sucht, bei der das Objekt nicht nur im Ozean der Realität verschwindet, sondern auch die Realität selbst zum konkreten menschlichen Subjekt, zum Zuschauer, wird, wessen Anwesenheit das äußere Objekt erschafft und es zum Teilnehmer einer ästhetischen "Beichte" macht. Aus diesem Grunde schlägt uns der Maler quasi vor, die Schwelle des herkömmlichen Bewußtseins zu überschreiten und das feurige Zittern der Seele zu verspüren, die einer wunderbaren Blume gleicht, die nicht nach dem vom nichtigen Verstand festgestellten Plan aufblüht, sondern nur auf die Barmherzigkeit des Seins, das sich in Treue, Liebe und Hoffnung verkörpert.

Laut P.A.Florenskij, "je ontologischer der geistige Fortschritt ist, desto unstreitbarer wird es vom menschlischen Bewußtsein als etwas lange Bekanntes, lange Erwartetes aufgefaßt. Und in der Tat, ist es eine fröhliche Nachricht aus den vertraulichen Tiefen des Seins, ein in Vergessenheit geratenes, aber insgeheim gehegtes Gedenken an die geistige Heimat". Die Bilder von I.Kalinauskas sind eben durch die seltene Eigenschaft gekennzeichnet, nicht als eine Störung, sondern als eine Anweisung auf dem Wege zur Reinigung der Seele und ihrer Erneuerung, zu dienen.

Phil.Dr. ALGIS UŽDAVINYS

*Doktor der philosophischen Wissenschaften,
Mitarbeiter des Litauischen Instituts für Kultur,
Philosophie und Kunst.*

Живопись / Paintings / Malerei

Свеча

70x60, холст, масло. 2001

Украина (Киев), частная коллекция

The Candle

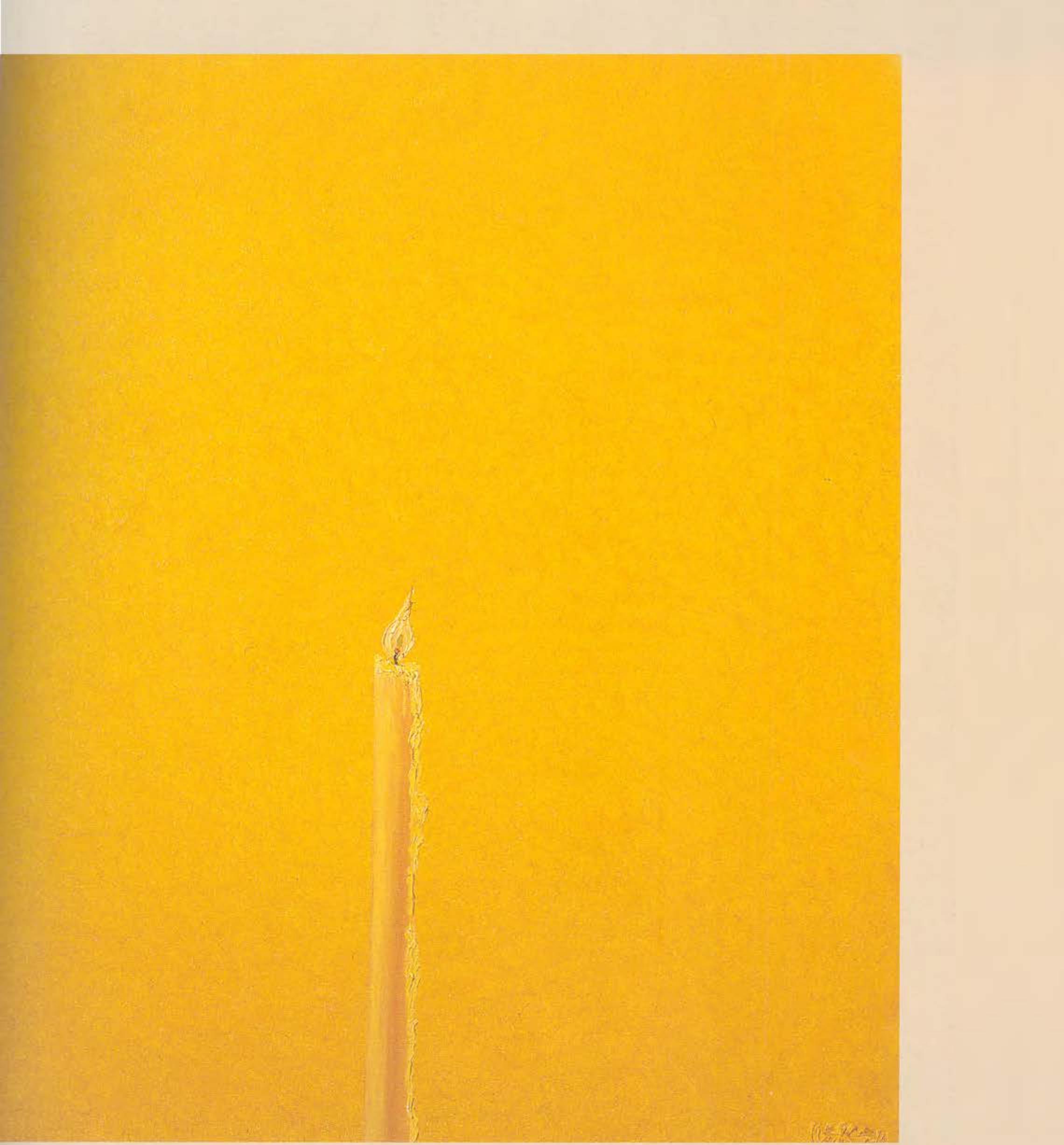
70x60, canvas, oil. 2001

Ukraine (Kiev), private collection

Die Kerze

70x60, Leinwand, Öl. 2001

Ukraine (Kiew), Privatsammlung

Опасный поворот

60x50, холст, масло. 2000

Словакия, частная коллекция

Dangerous Turning

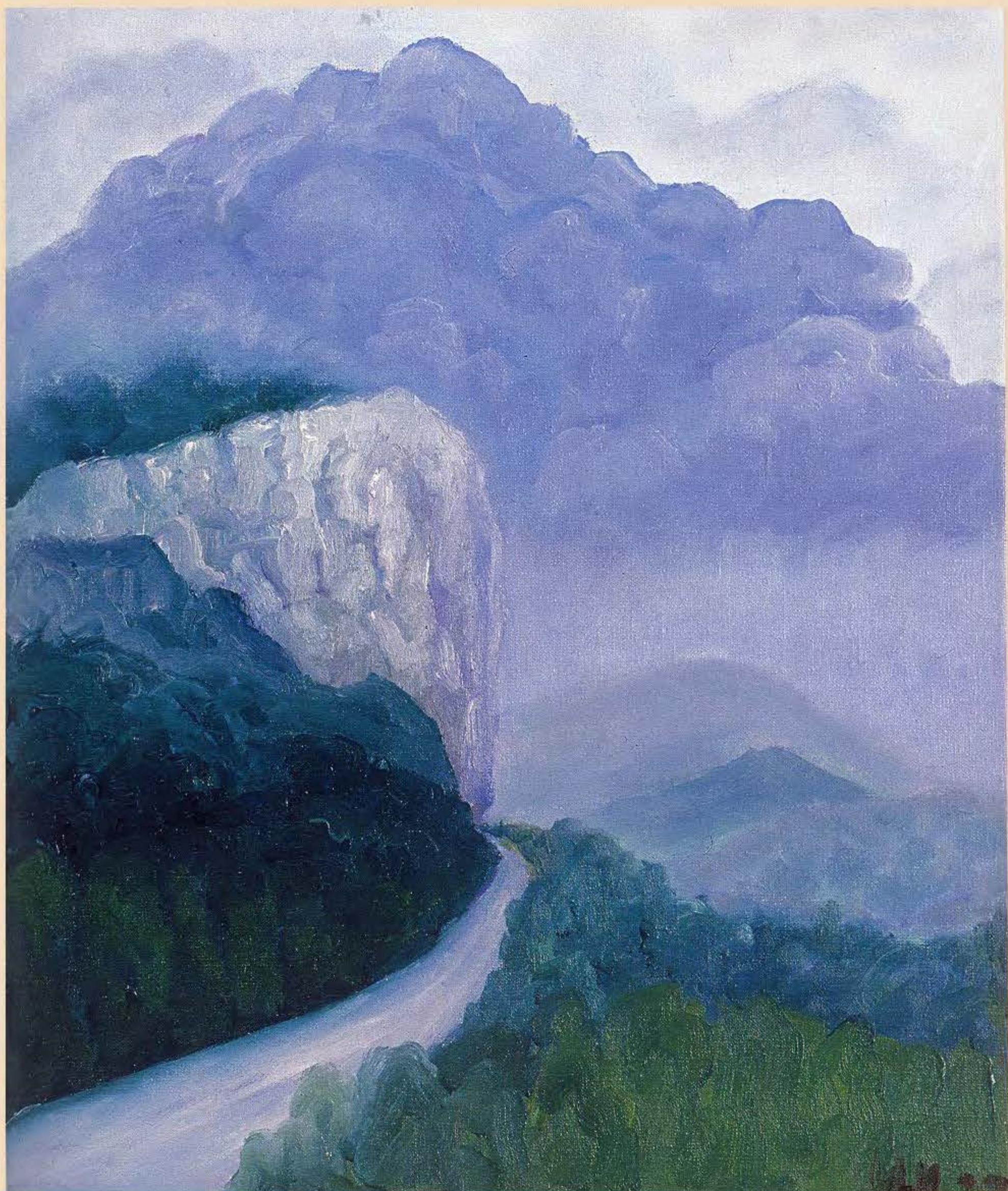
60x50, canvas, oil. 2000

Slovakia, private collection

Die gefährliche Kurve

60x50, Leinwand, Öl. 2000

Slowakei, Privatsammlung

IGOR KALINAUSKAS. 37

Один

120x84, холст, масло. 2001

Россия (Москва), частная коллекция

The One

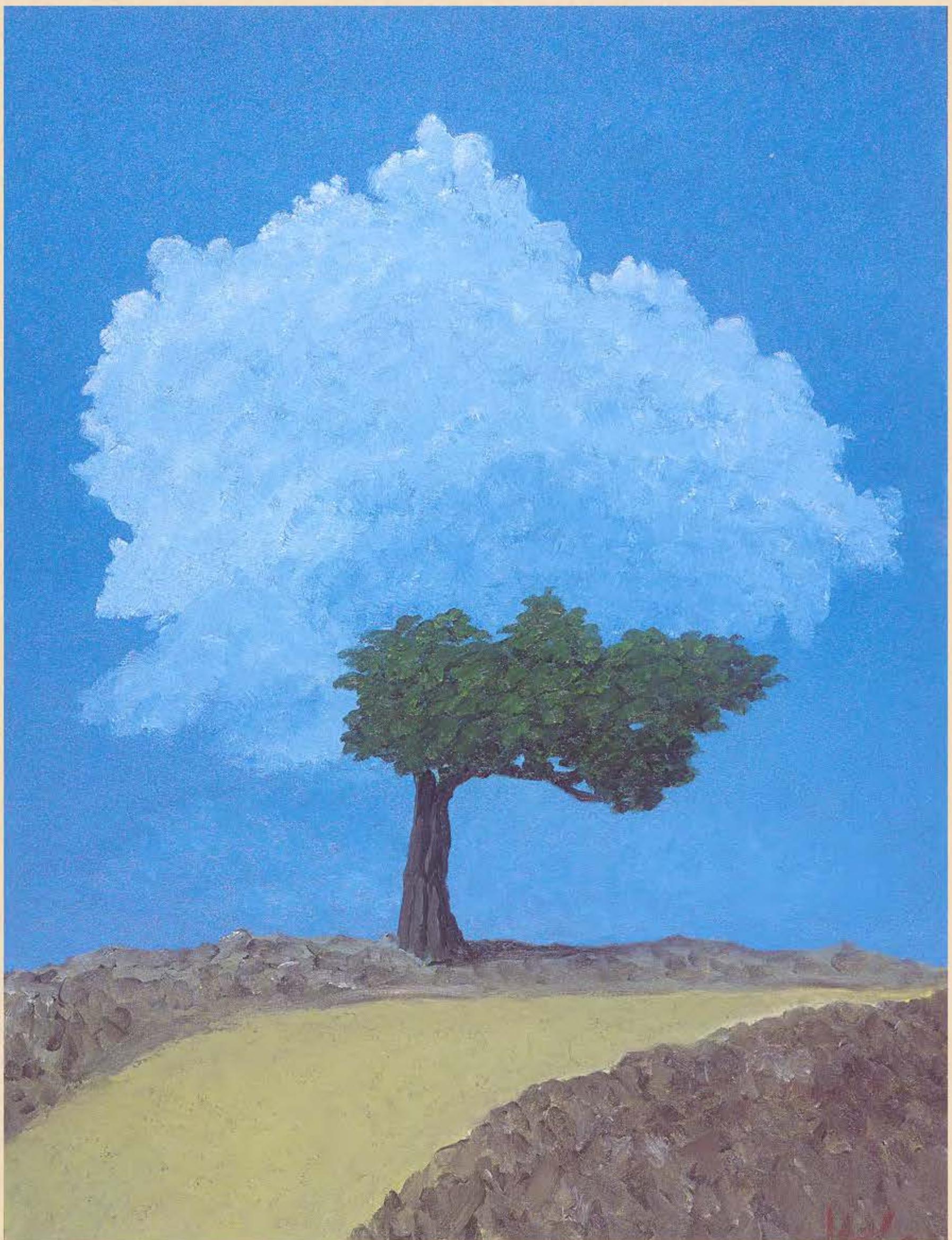
120x84, canvas, oil. 2001

Russia (Moscow), private collection

Allein

120x84, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Moskau), Privatsammlung

Дорога в сиреневую долину

60x80, холст, масло. 1999

Украина (Киев), частная коллекция

The Road to a Lilac Valley

60x80, canvas, oil. 1999

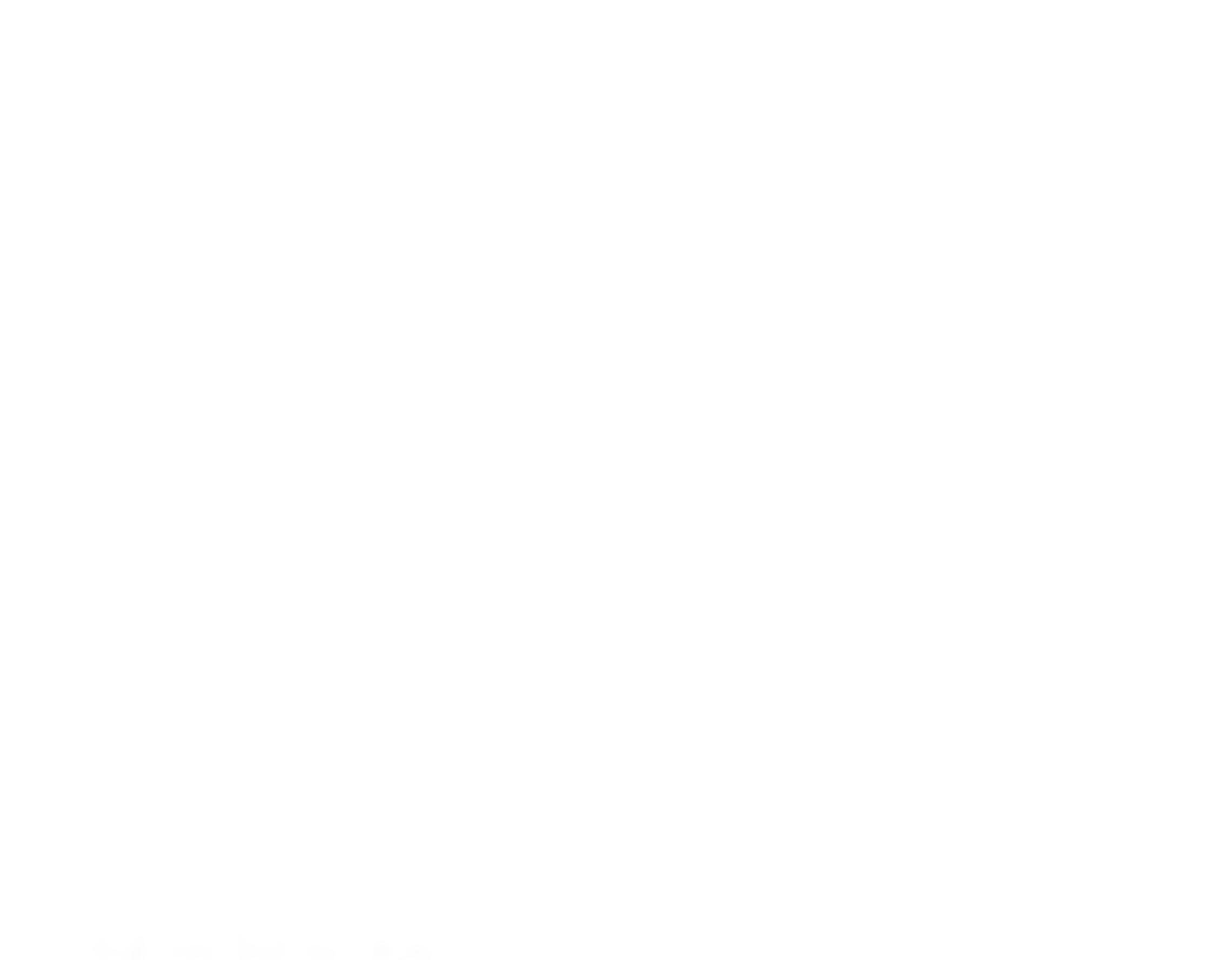
Ukraine (Kiev), private collection

Der Weg ins Fliedertal

60x80, Leinwand, Öl. 1999

Ukraine (Kiew), Privatsammlung

И один в поле воин

90x120, холст, масло. 2000

Россия (Москва), частная коллекция

One Can Fight Alone

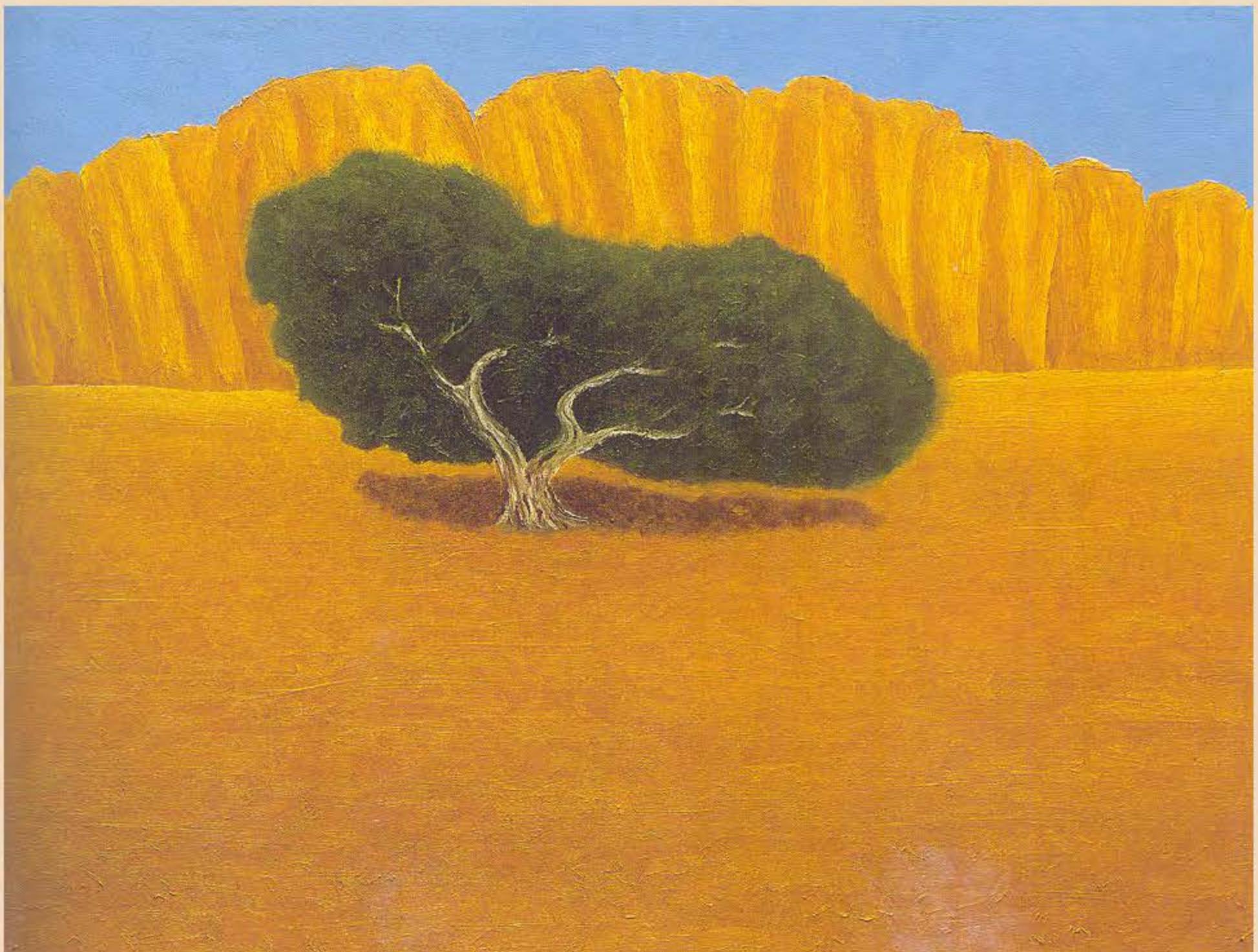
90x120, canvas, oil. 2000

Russia (Moscow), private collection

Der Alleinkämpfer

90x120, Leinwand, Öl.

2000, Russland (Moskau), Privatsammlung

Другой берег

50x60, холст, масло. 2001

Литва (Вильнюс), частная коллекция

The Other Shore

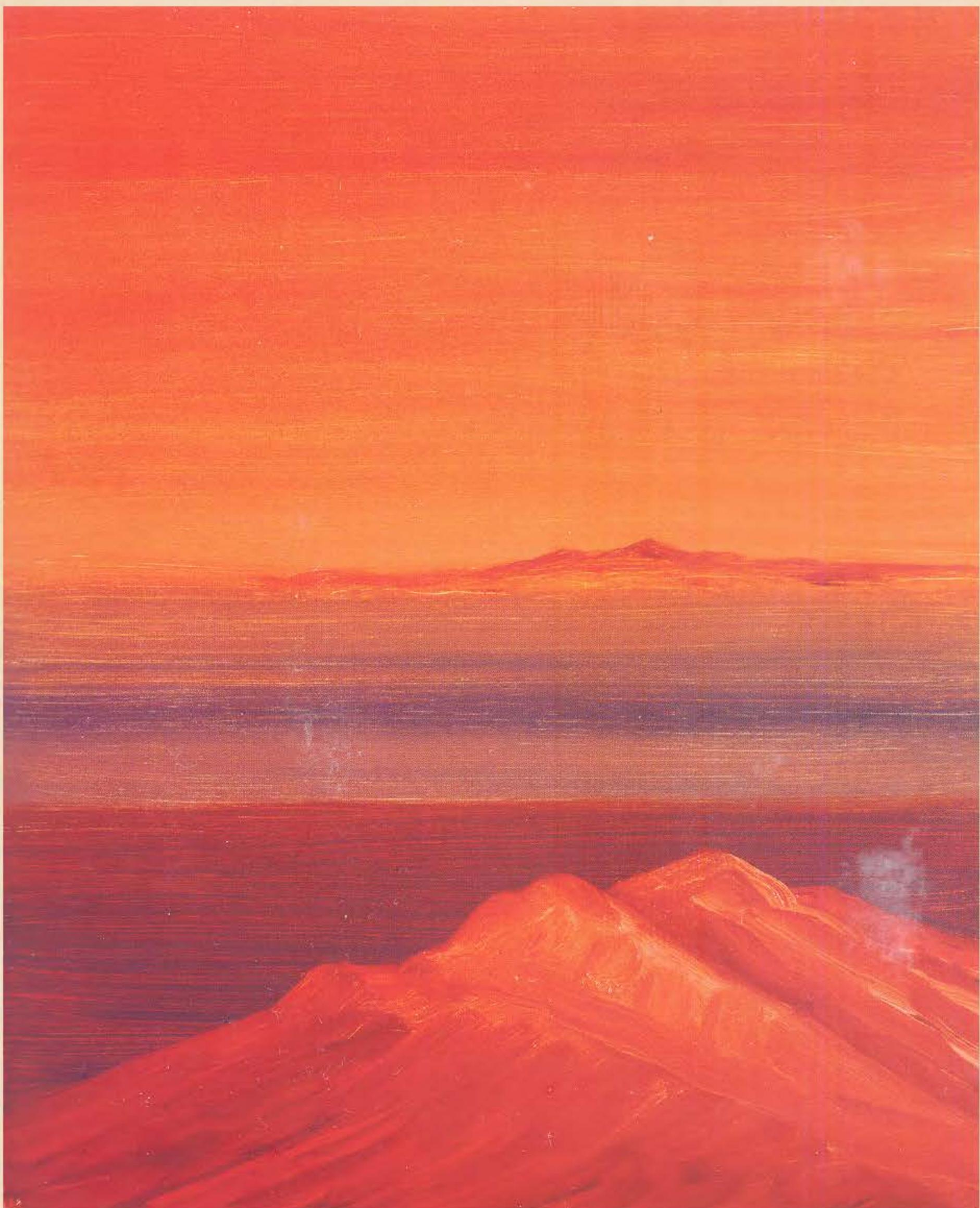
50x60, canvas, oil. 2001

Lithuania (Vilnius), private collection

Das andere Ufer

50x60, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

Турчанская долина

70x210, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Turchan Valley

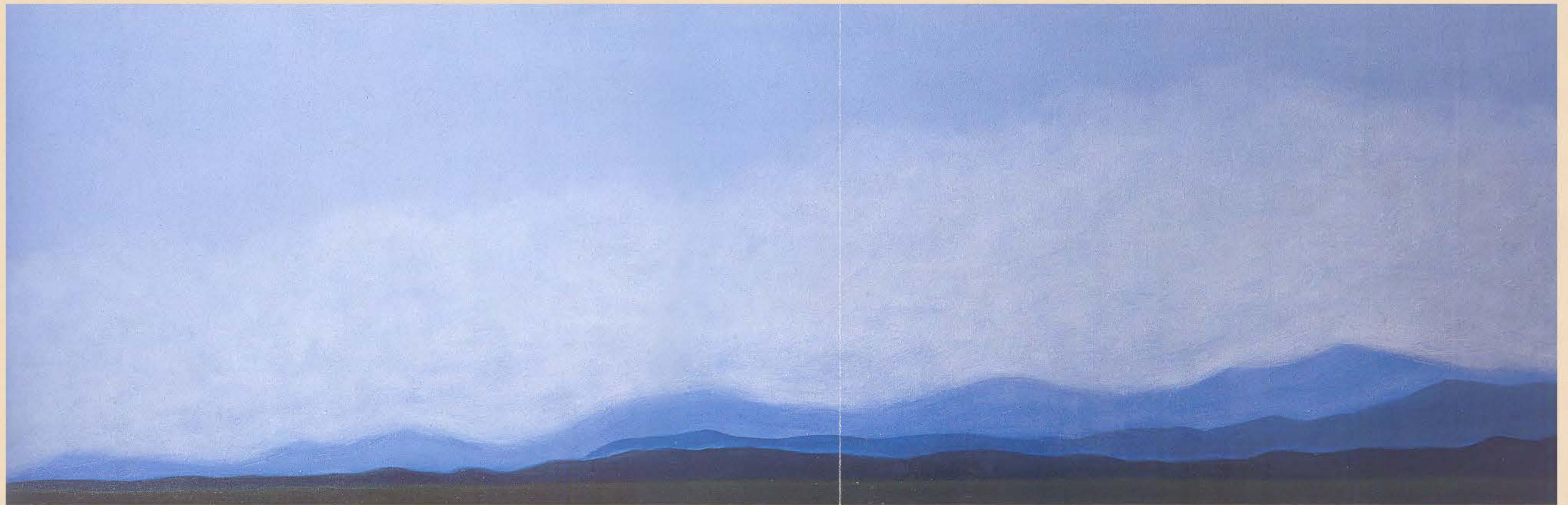
70x210, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Das Turtschan Tal

70x120, Leinwand, Öl. 2000

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Двое

70x50, холст, масло. 2000

Словакия, частная коллекция

Two

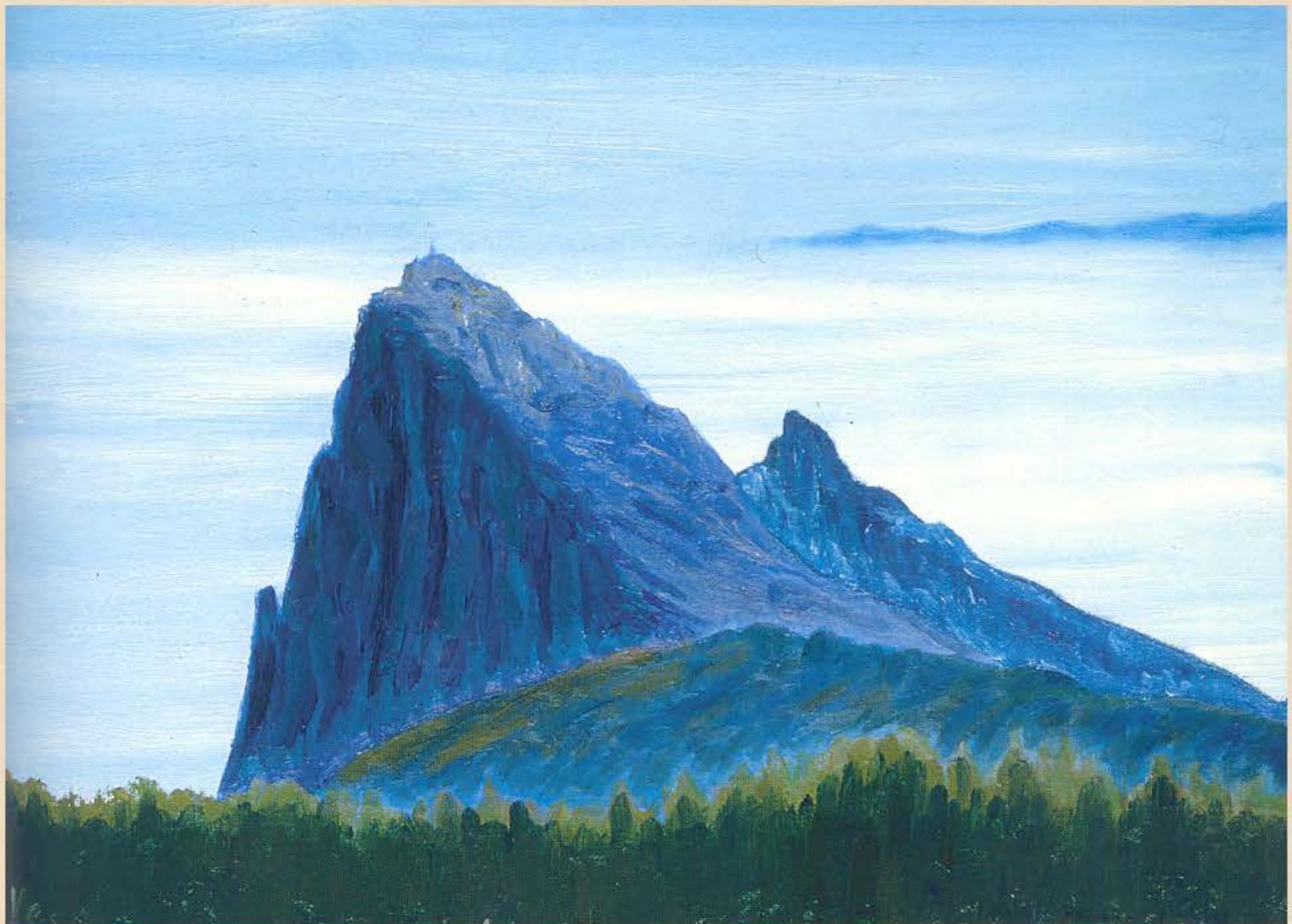
70x50, canvas, oil. 2000

Slovakia, private collection

Zwei

70x120, Leinwand, Öl. 2000

Slowakei, Privatsammlung

Портрет дуба

50x60, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Portrait of an Oak Tree

50x60, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Porträt der Eiche

50x60, Leinwand, Öl. 2000

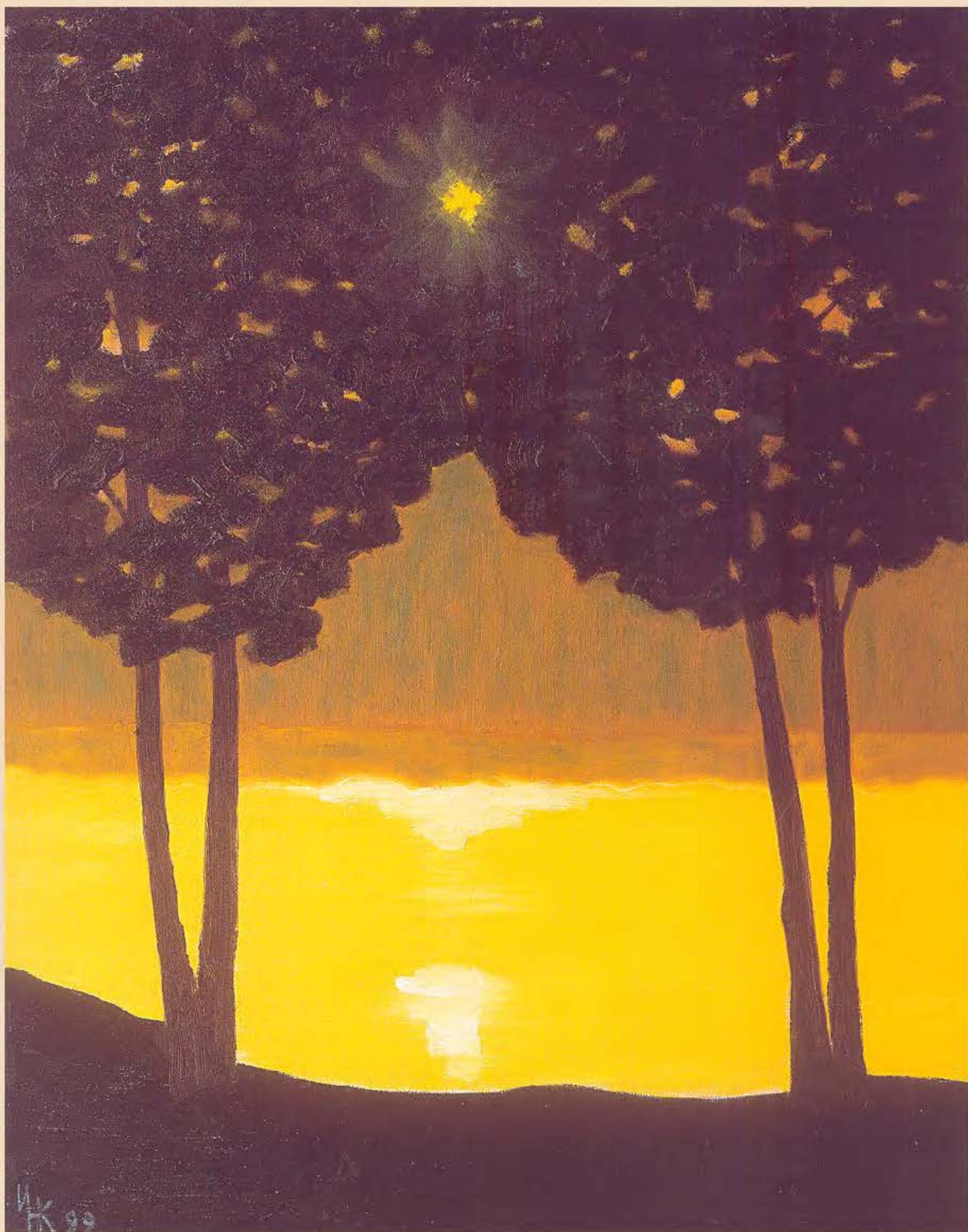
Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Зарасайская звезда
90x70, холст, масло. 2000
Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Zarasai Star
90x70, canvas, oil. 2000
Russia (Saint Petersburg), private collection

Der Stern von Zarasai
90x70, Leinwand, Öl. 2000,
Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

水 99

Восхищение Ван Гогом

70x50, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Admiring Van Gogh

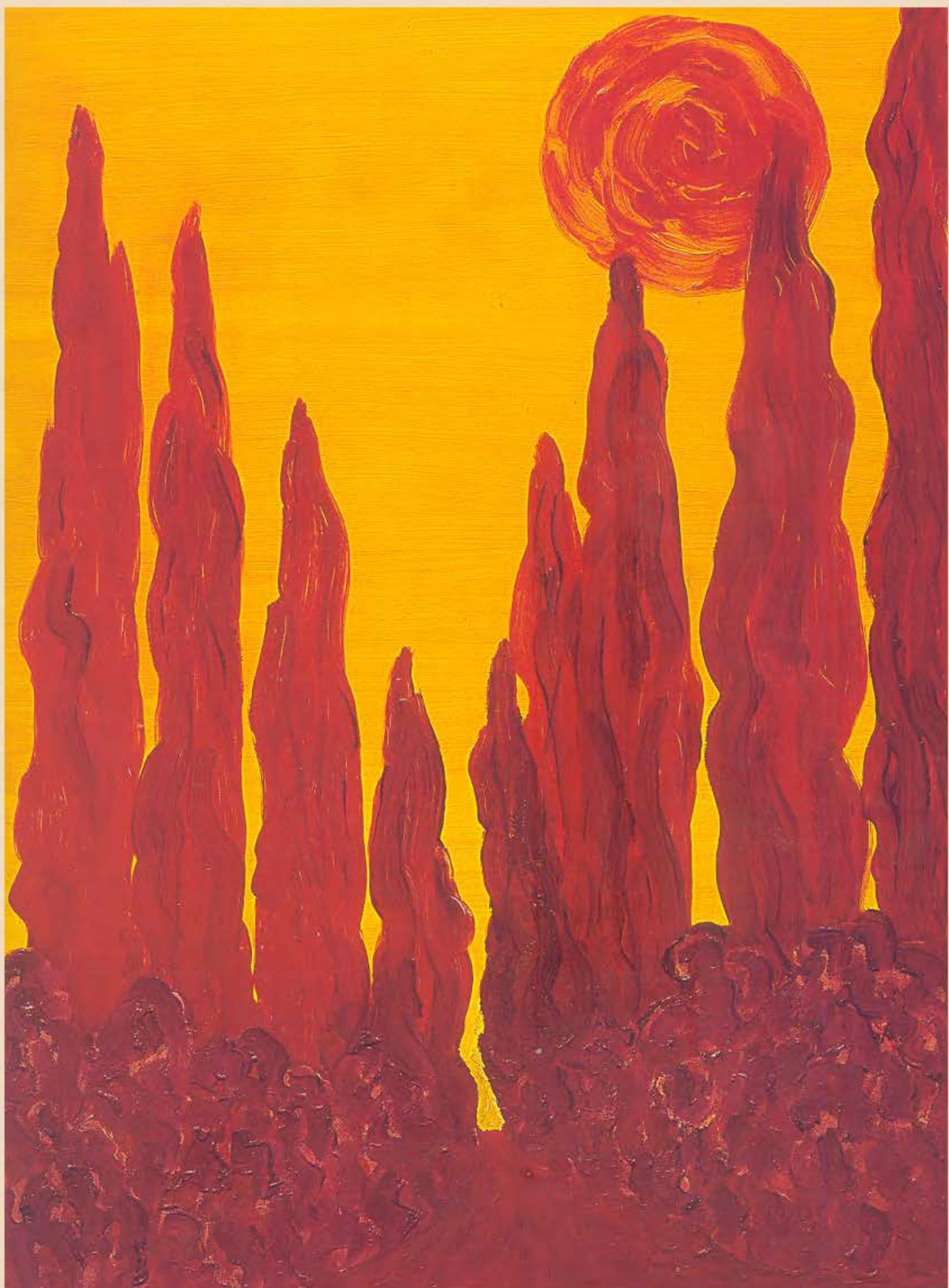
70x50, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Die Begeisterung für Van Gogh

70x50, Leinwand, Öl. 2000

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Забытая Европа II

80x90, холст, масло. 1999

Россия (Санкт Петербург), галерея

Forgotten Europe II

80x90, canvas, oil. 1999

Russia (Saint Petersburg), gallery

Das vergessene Europa II

80x90, Leinwand, Öl. 1999

Russland (Sankt-Petersburg), Galerie

IGOR KALINAUSKAS 57

Начало веры

50x50, холст, масло. 2001

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Beginning of Faith

50x50, canvas, oil. 2001

Russia (Saint Petersburg), private collection

Anfang des Glaubens

50x50, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Пётр

60x60, холст, масло. 2001

Россия (Санкт Петербург), галерея

Piotr

60x60, canvas, oil. 2001

Russia (Saint Petersburg), gallery

Pjotr

60x60, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Sankt-Petersburg), Galerie

60. IGOR KALINAKA S

Закат в Пафосе

80x60, холст, масло. 2001

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Sunset in Paphos

80x60, canvas, oil. 2001

Russia (Saint Petersburg), private collection

Sonnenuntergang in Paphos

80x60, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

После дождя

40x60, холст, масло. 2001

Литва (Вильнюс), галерея

After Rain

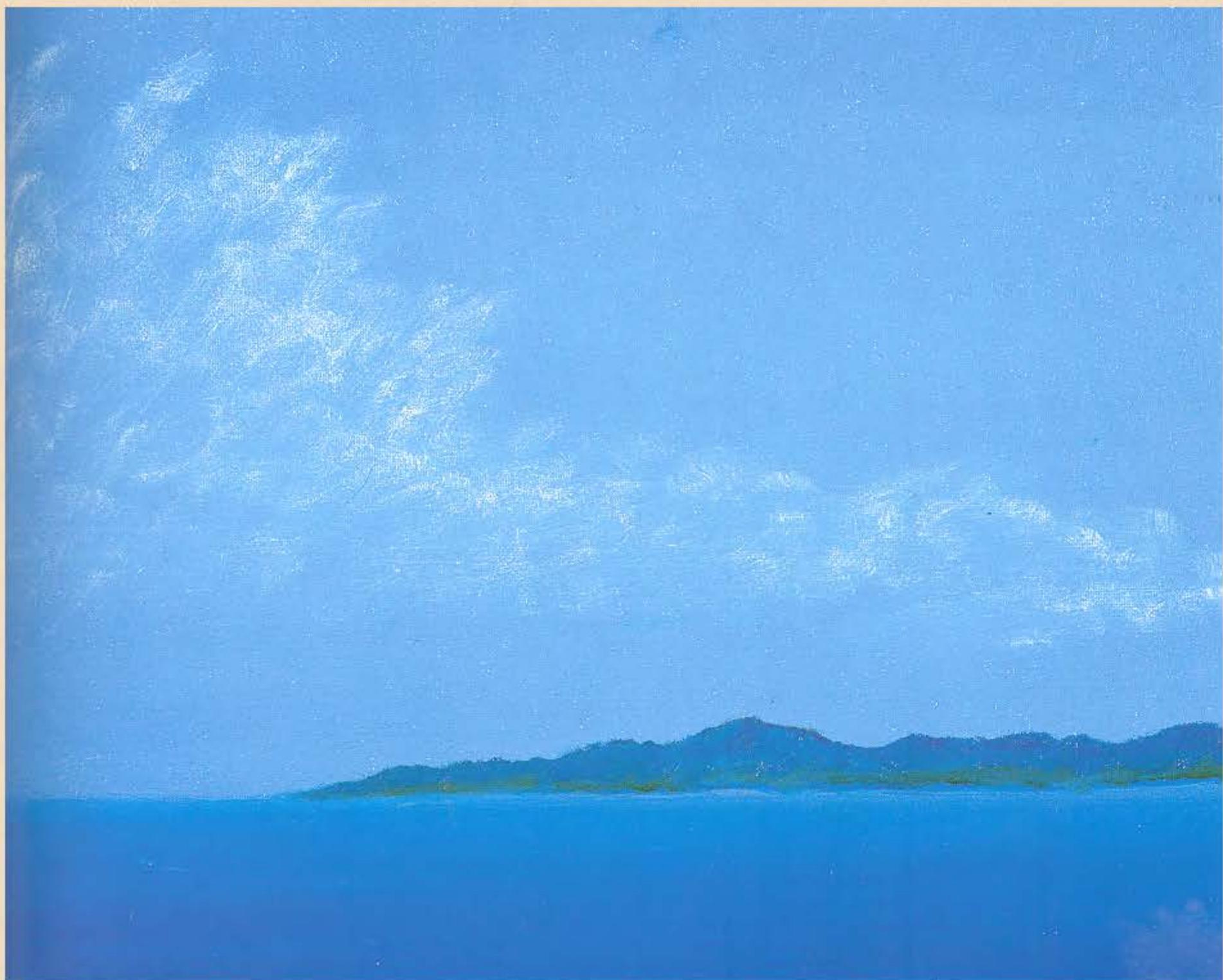
40x60, canvas, oil. 2001

Lithuania (Vilnius), gallery

Nach dem Regen

40x60, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Vilnius), Galerie

Пасхальное утро

40x60, холст, масло. 2001

Lithuania (Kaunas), частная коллекция

Easter Morning

40x60, canvas, oil. 2001

Lithuania (Kaunas), private collection

Der Ostermorgen

40x60, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Kaunas), Privatsammlung

Один II

60x50, холст, масло. 2001

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

The One II

60x50, canvas, oil. 2001

Russia (Saint Petersburg), private collection

Allein II

60x50, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Один II

60x50, холст, масло. 2001

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

The One II

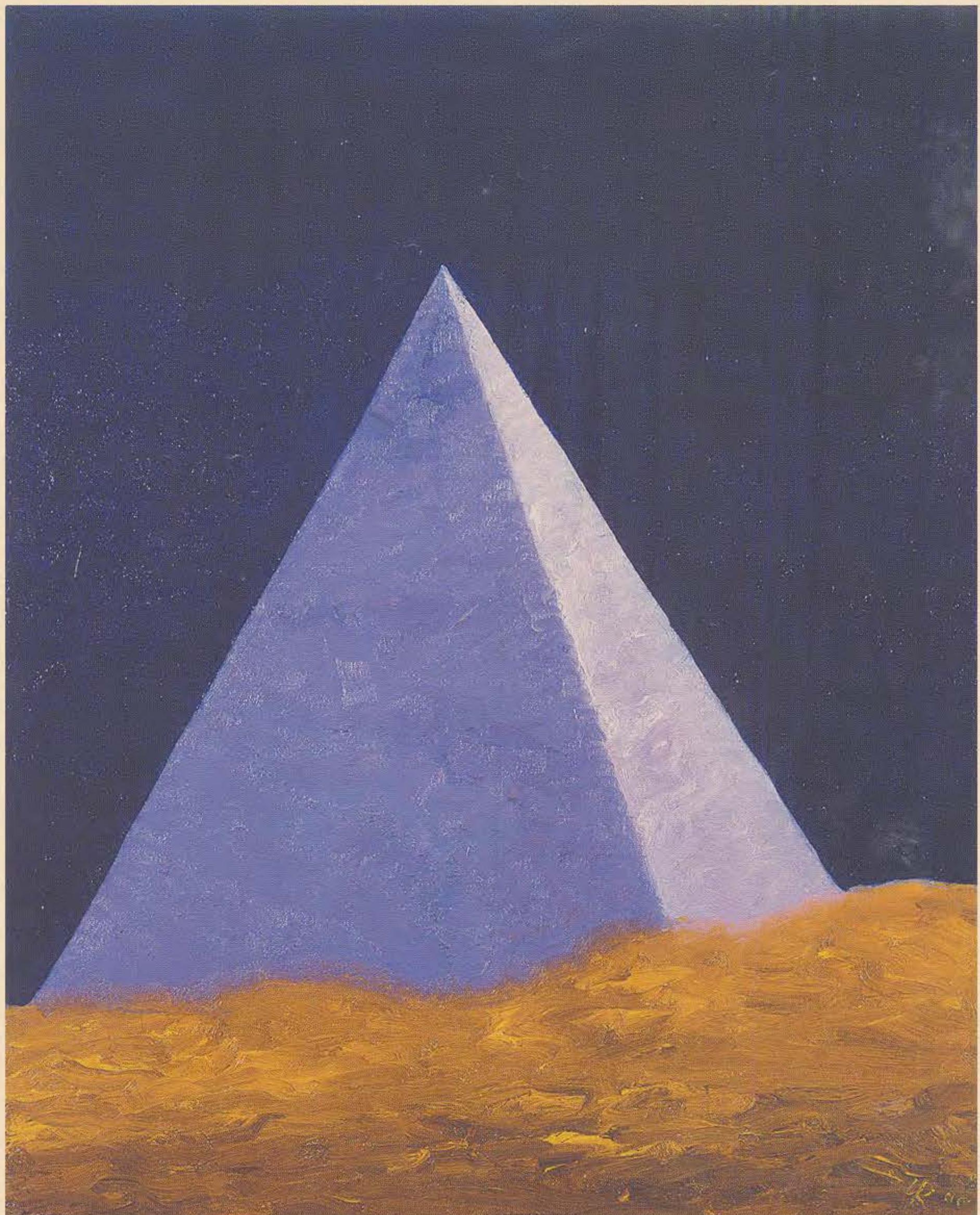
60x50, canvas, oil. 2001

Russia (Saint Petersburg), private collection

Allein II

60x50, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Да будет так

100x80, холст, масло. 1999

Литва (Вильнюс), частная коллекция

Let It Be

100x80, canvas, oil. 1999

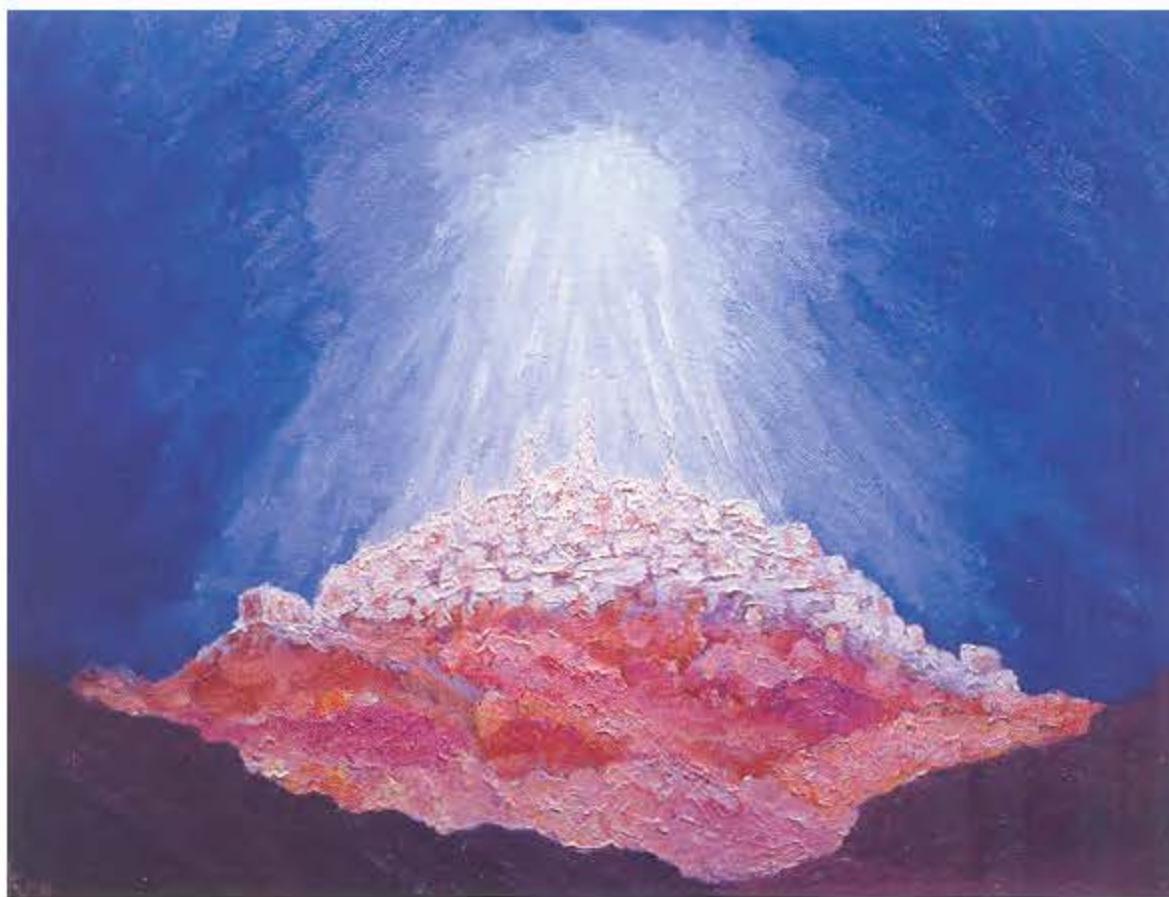
Lithuania (Vilnius), private collection

Sei es so

100x80, Leinwand, Öl. 1999

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

Видение священного Града

80x100, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Vision of the Holy City

80x100, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Vision der heiligen Stadt

80x100, Leinwand, Öl. 2000

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

IGOR KALINAUSKAS : 75

Предтеча

50x40, холст, масло. 1999

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

The Precursor

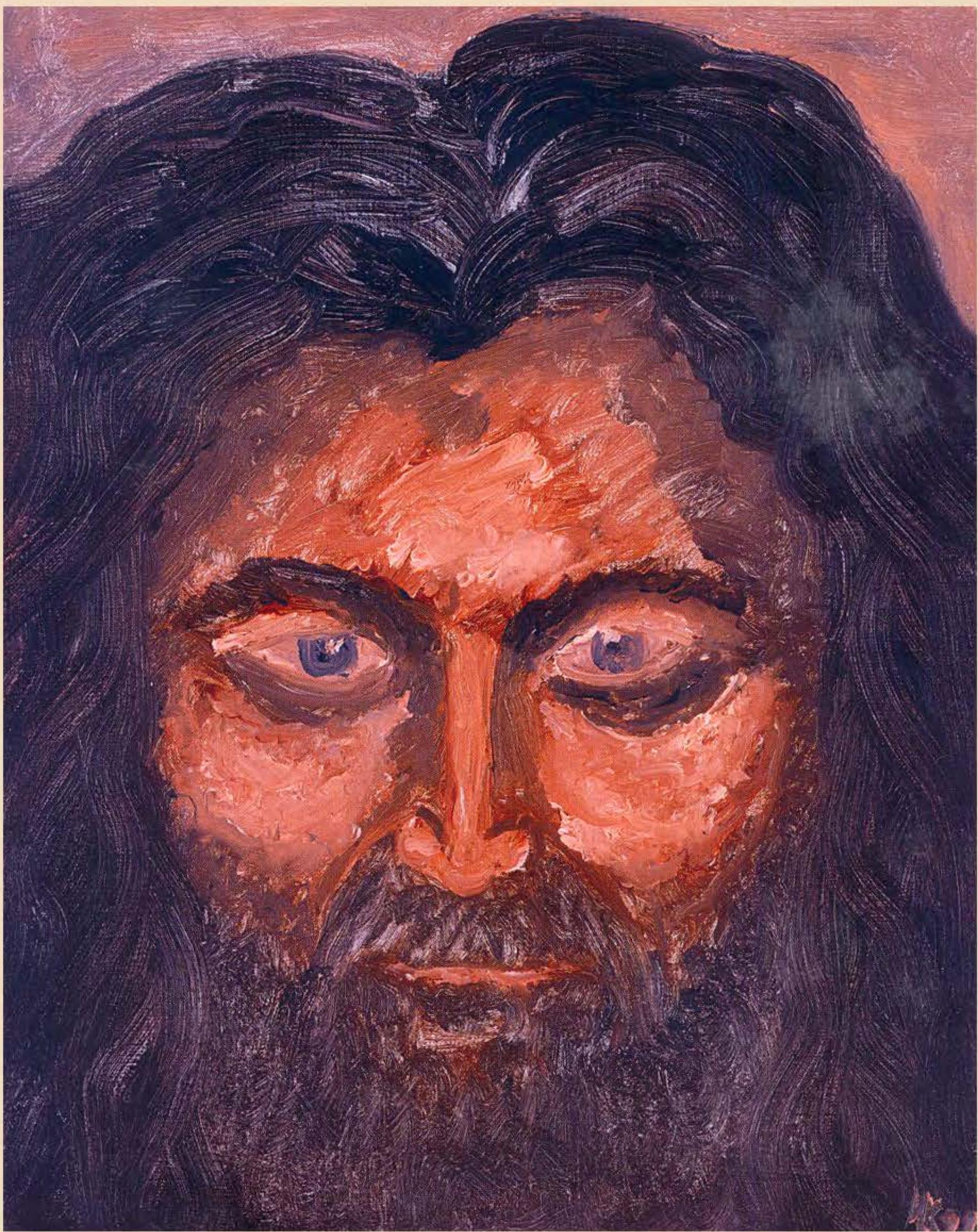
50x40, canvas, oil. 1999

Russia (Saint Petersburg), private collection

Der Vorläufer

50x40, Leinwand, Öl. 1999

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Просветленная

70x50, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

The Enlightened

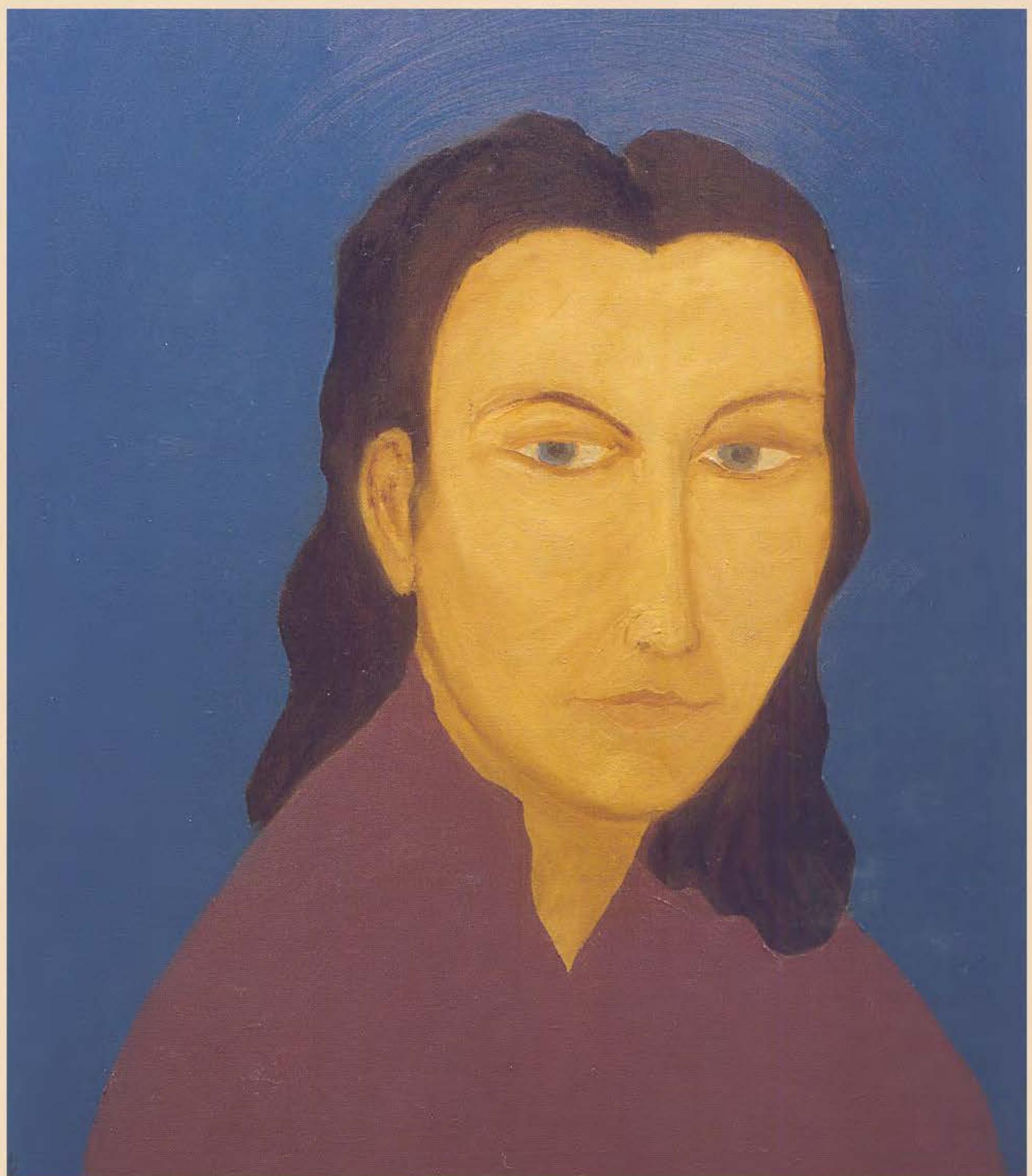
70x50, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Die Erleuchtete

70x50, Leinwand, Öl. 2000

Russia (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Мастер, любующийся чашой
65x50, холст, масло. 1998
Украина (Киев), частная коллекция

The Master Admiring the Cup
65x50, canvas, oil. 1998
Ukraine (Kiev), private collection

Der Meister, der die Tasse bewundert
65x50, Leinwand, Öl. 1998
Ukraine (Kiew), Privatsammlung

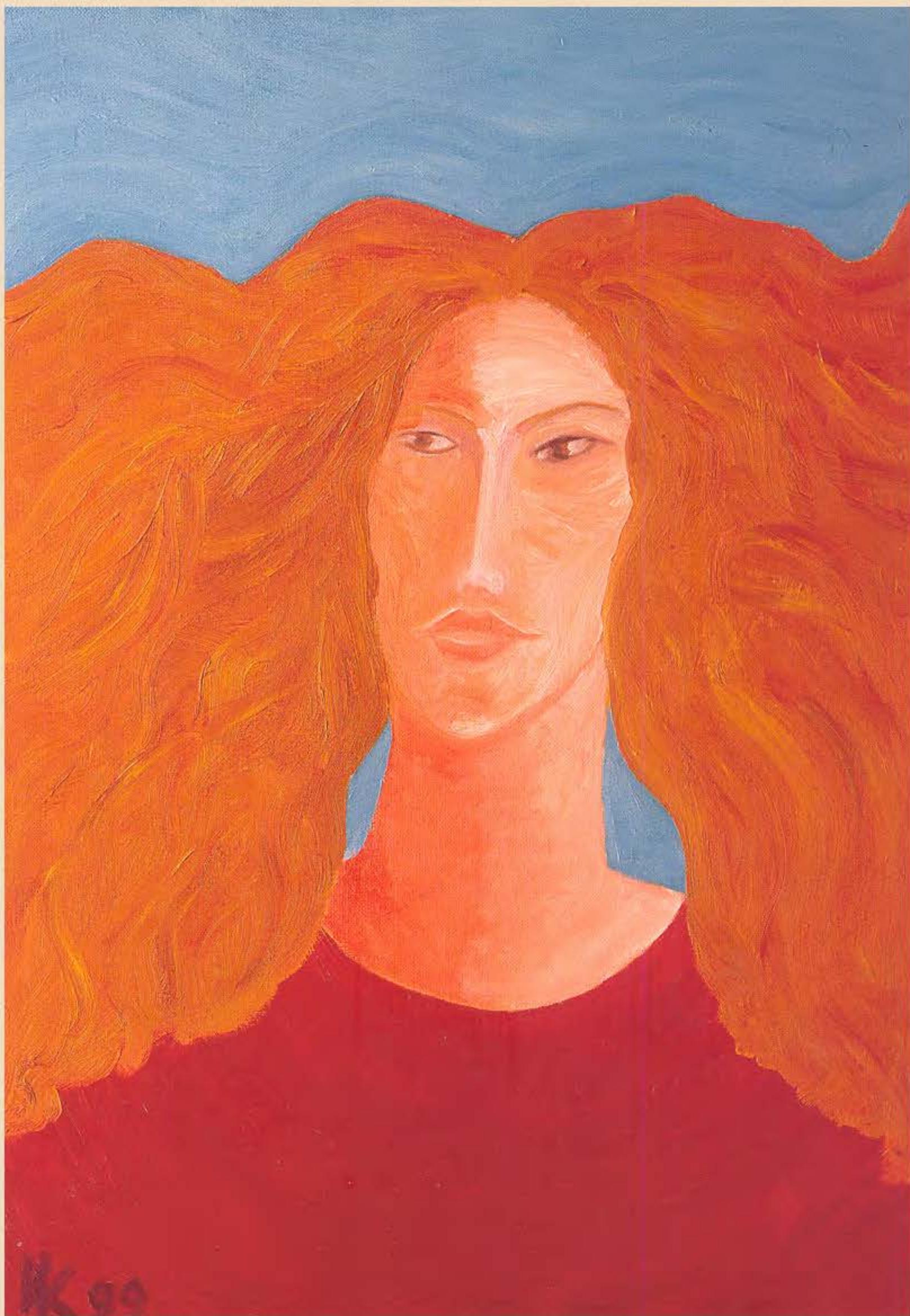

Феерическая женщина
100x70, холст, масло. 1999
Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

The Enchanting Woman
100x70, canvas, oil. 1999
Russia (Saint Petersburg), private collection

Die zauberhafte Frau
100x70, Leinwand, Öl. 1999
Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Медитация

80x60, холст, масло. 1999

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Meditation

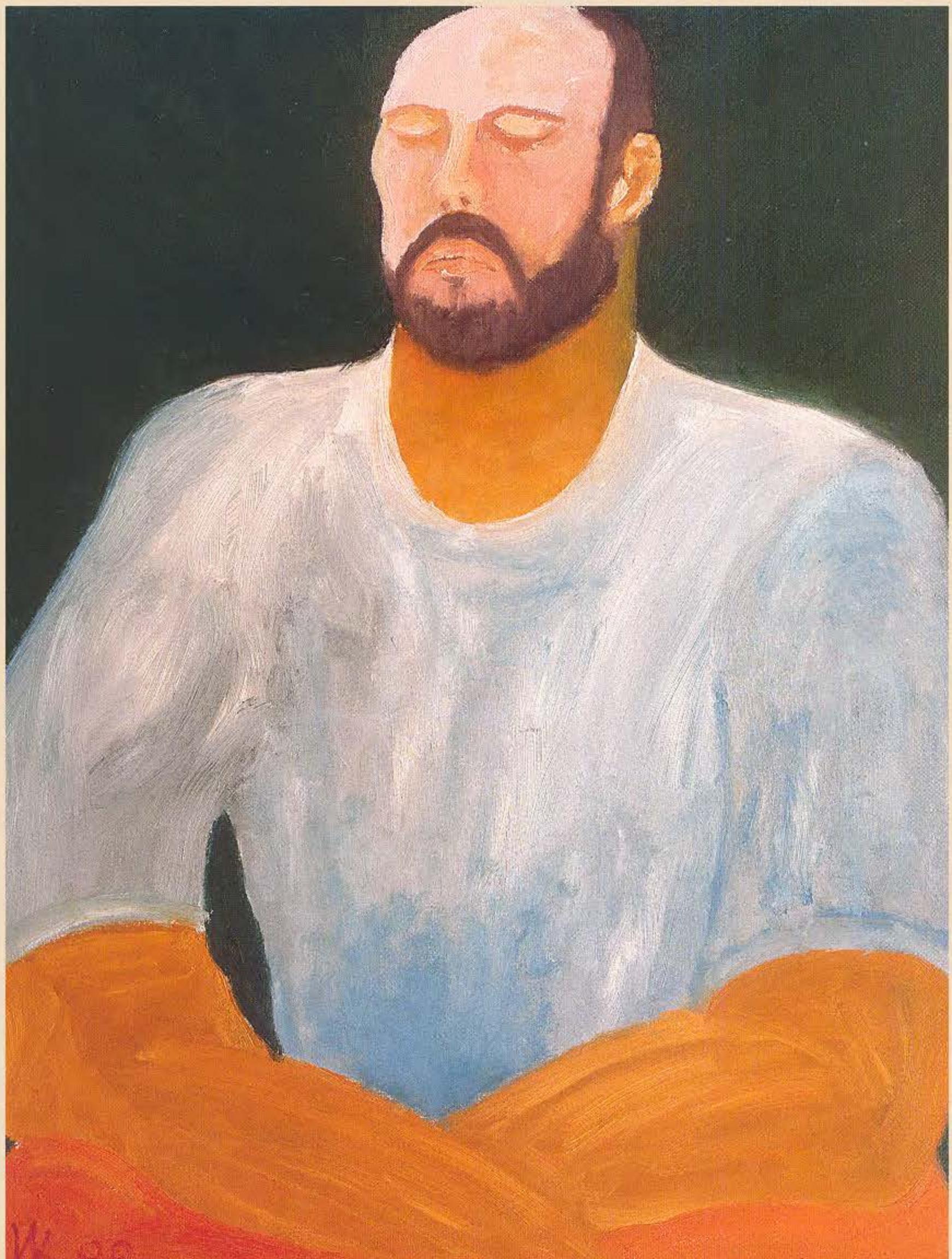
80x60, canvas, oil. 1999

Russia (Saint Petersburg), private collection

Meditation

80x60, Leinwand, Öl. 1999

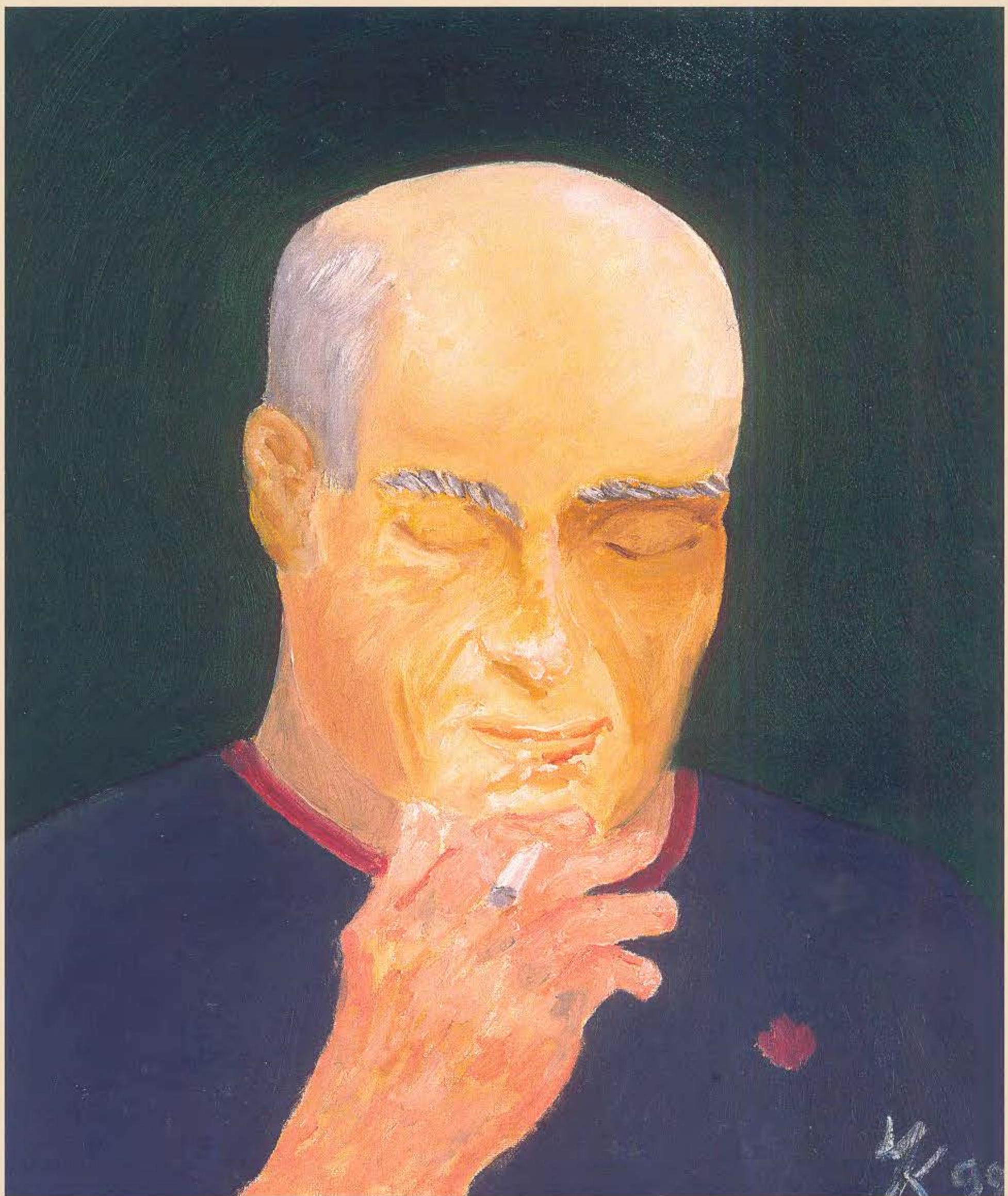
Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Ах, Александр Николаевич
65x54, холст, масло. 1999
Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Oh, Aleksandr Nikolayevich
65x54, canvas, oil. 1999
Russia (Saint Petersburg), private collection

Ach, Alexander Nikolajewitsch
65x54, Leinwand, Öl. 1999
Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

A faint, watermark-like background image of a painting depicting a woman's face with a wide, joyful smile, showing her teeth. Her eyes are slightly squinted, and her cheeks are rosy. She has dark hair pulled back.

Улыбка

60x70, холст, масло. 2000

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

A Smile

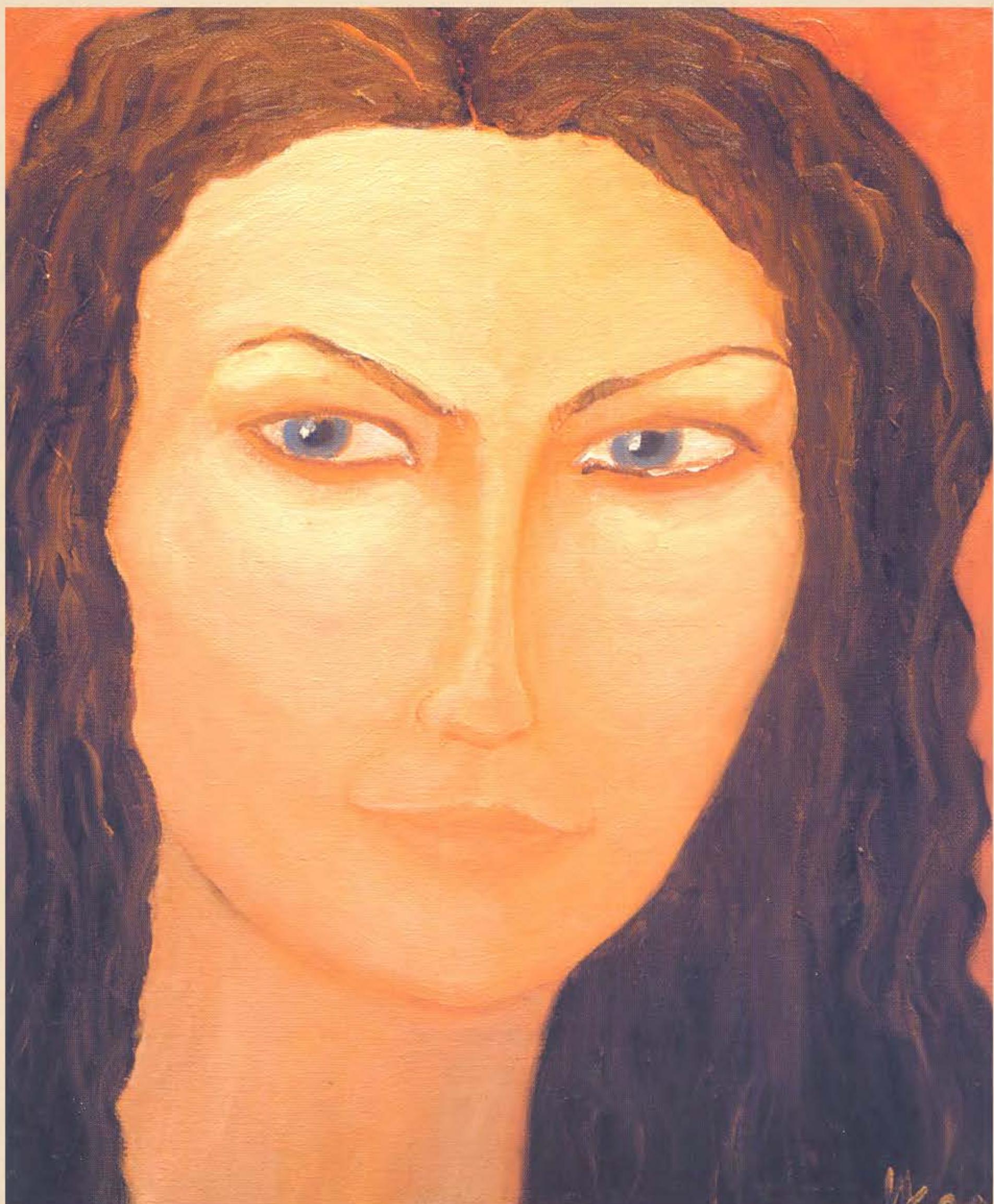
60x70, canvas, oil. 2000

Russia (Saint Petersburg), private collection

Das Lächeln

60x70, Leinwand, Öl. 2000

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Портрет Аркадия

60x51, холст, масло. 1999

Россия (Нижний Новгород), частная коллекция

Portrait of Arkadij

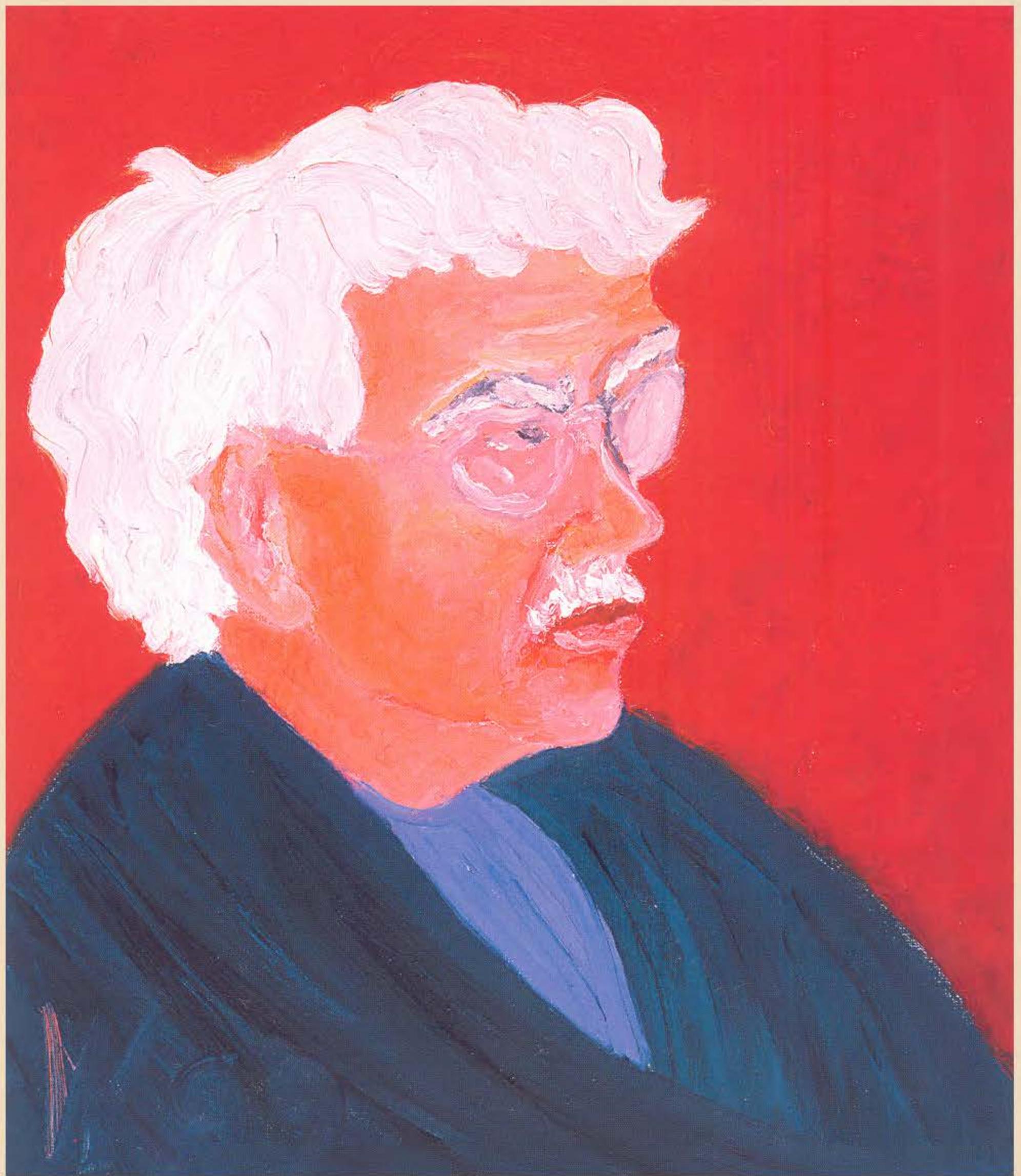
60x51, canvas,oil, 1999

Russia (Nizhni Novgorod), private collection

Porträt von Arkadij

60x51, Leinwand, Öl. 1999

Russland (Nizhni Novgorod), Privatsammlung

Свет вылепил меня из тьмы

74x56, холст, масло. 2000

Кипр (Пафос), частная коллекция

Light Shaped Me out of Darkness

74x56, canvas, oil, 2000

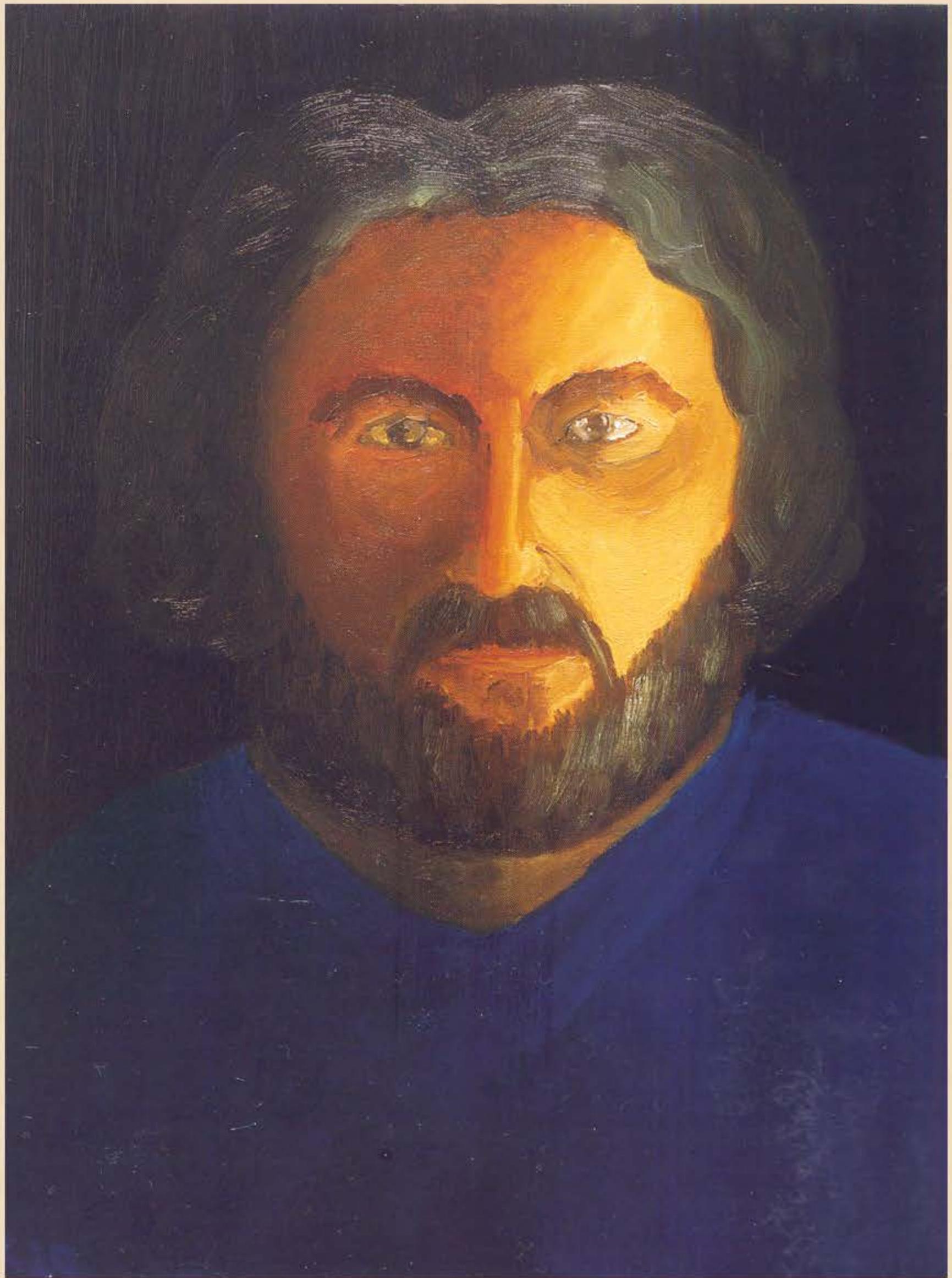
Cyprus (Paphos), private collection

Das Licht hat mich aus der Dunkelheit geformt

74x56, Leinwand, Öl. 2000

Zypern (Paphos), Privatsammlung

92. IGOR KALINAKAS

Чара

70x50, холст, масло. 1999

Литва (Вильнюс), частная коллекция

Fascination

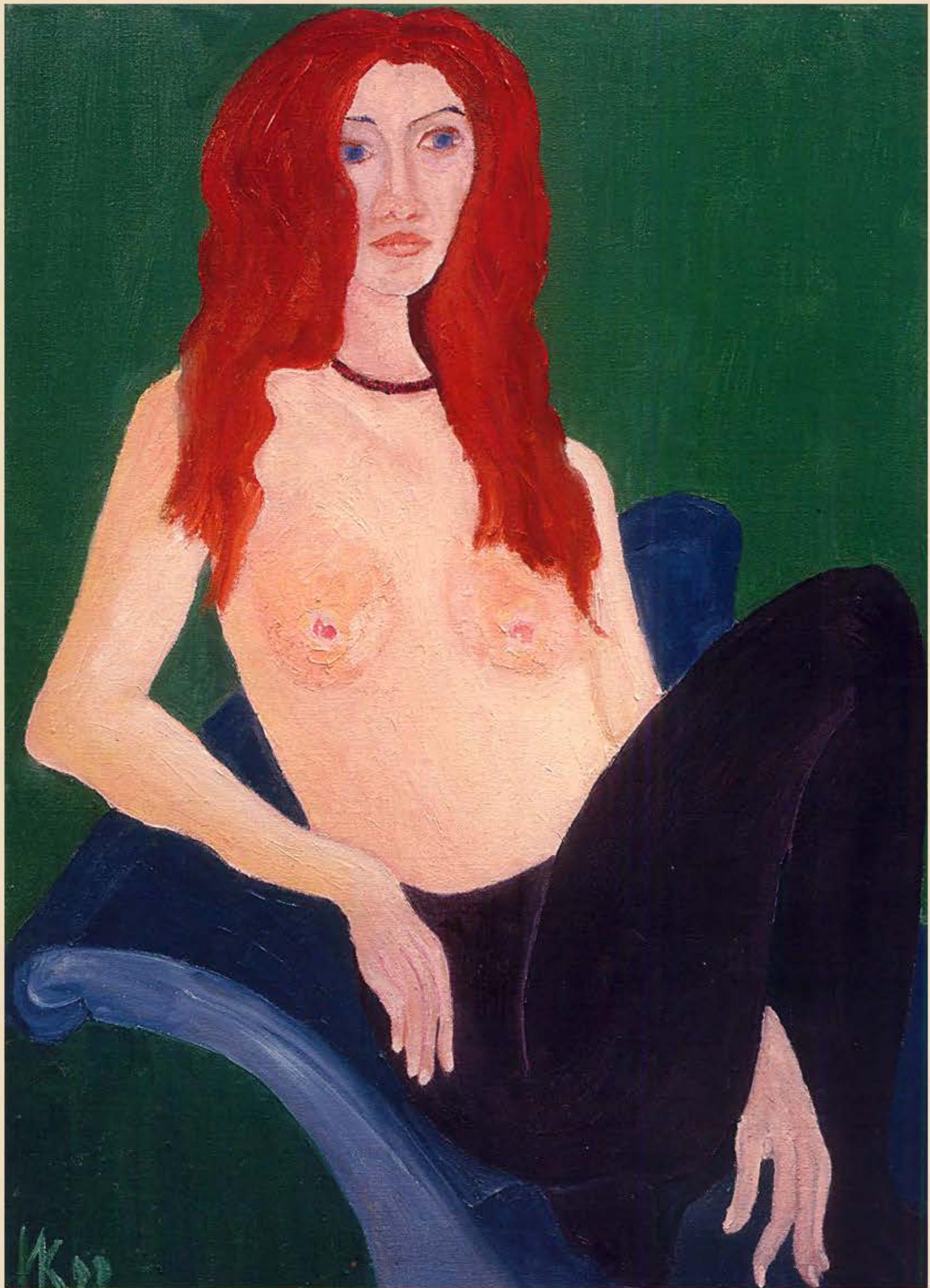
70x50, canvas, oil. 1999

Lithuania (Vilnius), private collection

Faszination

70x50, Leinwand, Öl. 1999

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

Девочка перед телевизором

80x120, холст, масло. 2000

Rоссия (Санкт Петербург), галерея

The Girl in front of the Television

80x120, canvas, oil, 2000

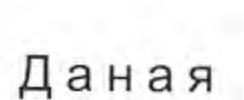
Russia (Saint Petersburg), gallery

Das Mädchen vor dem Fernseher

80x120, die Leinwand, das Öl. 2000

Russland (Sankt-Petersburg), Galerie

Даная

60x80, холст, масло. 1999

Литва (Вильнюс), частная коллекция

Danae

60x80, canvas, oil. 1999

Lithuania (Vilnius), private collection

Danaja

60x80, Leinwand, Öl. 1999

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

Посвящение

150x220, холст, масло. 1999

Россия (Санкт Петербург), галерея

Initiation

150x220, canvas, oil. 1999

Russia (Saint Petersburg), gallery

Die Einweihung

150x220, Leinwand, Öl. 1999

Russland (Sankt-Petersburg), Galerie

I am crazy

50x35, холст, масло. 2002

Словакия (Жилина), частная коллекция

I am crazy

50x35, canvas, oil. 2002

Slovakia (Zhilina), private collection

I am crazy

50x35, Leinwand, Öl. 2002

Slowakei (Zhilina), Privatsammlung

Ночной

50x35, холст, масло. 2002
Украина (Киев), частная коллекция

Nocturnal

50x35, canvas, oil, 2002
Ukraine (Kiev), private collection

Nächtlich

50x35, Leinwand, Öl. 2002
Ukraine (Kiew), Privatsammlung

104. IGOR KALINAUSKAS

Роскошь

50x35, холст, масло. 2002

Словакия (Жилина), частная коллекция

Luxury

50x35, canvas, oil. 2002

Slovakia (Zhilina), private collection

Luxus

50x35, Leinwand, Öl. 2002

Slowakei (Zhilina), Privatsammlung

Букет

40x30, холст, масло. 2002

Россия (Москва), частная коллекция

The Bouquet

40x30, canvas, oil. 2002

Russia (Moscow), private collection

Der Blumenstrauß

50x35, Leinwand, Öl. 2002

Russland (Moskau), Privatsammlung

Мистерия Огня

70x90, холст, масло. 1999

Литва (Паакмене), частная коллекция

Mystery of Fire

70x90, canvas, oil. 1999

Lithuania (Paakmené), private collection

Feuermysterie

70x90, Leinwand, Öl. 1999,

Litauen (Paakmené), Privatsammlung

Да будет воля твоя

70x60, холст, масло. 1999

Россия (Санкт Петербург), частная коллекция

Thy Will Be Done

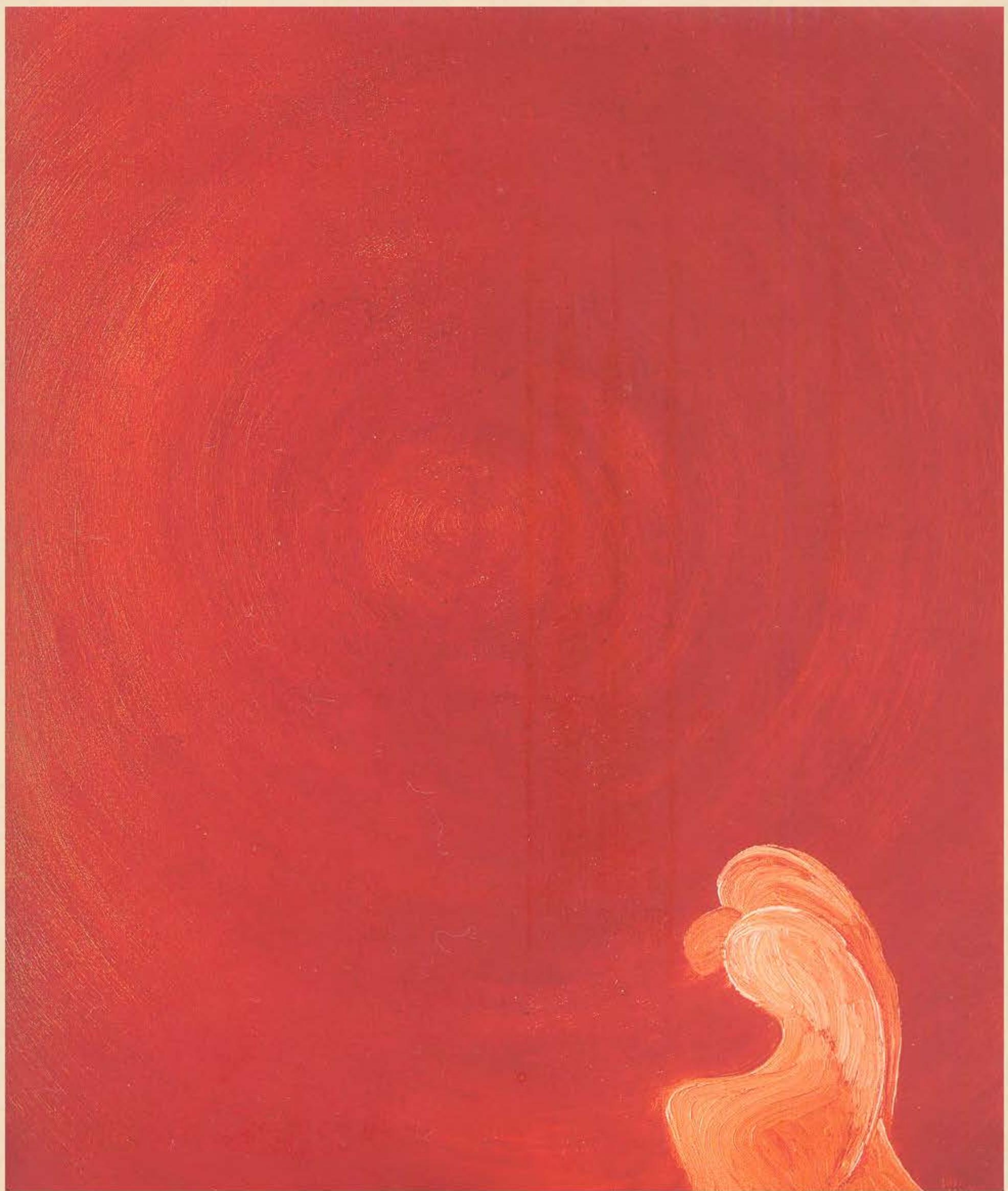
70x60, canvas, oil. 1999

Russia (Saint Petersburg), private collection

Sei dein Wille

70x60, Leinwand, Öl. 1999

Russland (Sankt-Petersburg), Privatsammlung

Нежность

60x50, холст, темпера 2001

Литва (Вильнюс), галерея

Tenderness

60x50, canvas, tempera. 2001

Lithuania (Vilnius), gallery

Zärtlichkeit

60x50, Leinwand, Tempera. 2001

Litauen (Vilnius), Galerie

Святое семейство

60x50, холст, масло. 2001

Литва (Вильнюс), частная коллекция

The Holy Family

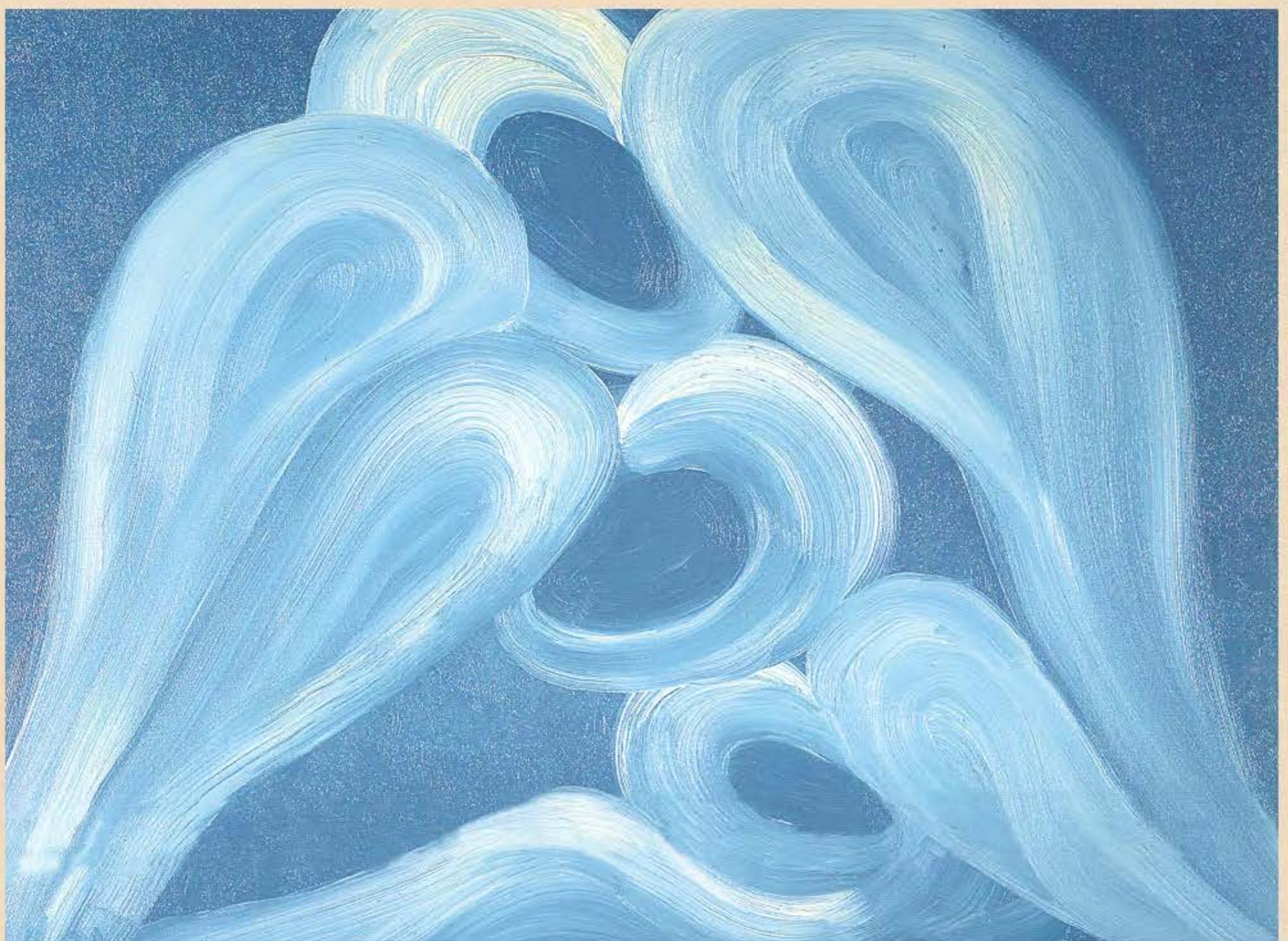
60x50, canvas, oil. 2001

Lithuania (Vilnius), private collection

Die heilige Familie

60x50, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

Падший ангел (заблудшая душа)

50x60, холст, масло. 2001

Литва (Вильнюс), галерея

Fallen Angel (The Lost Soul)

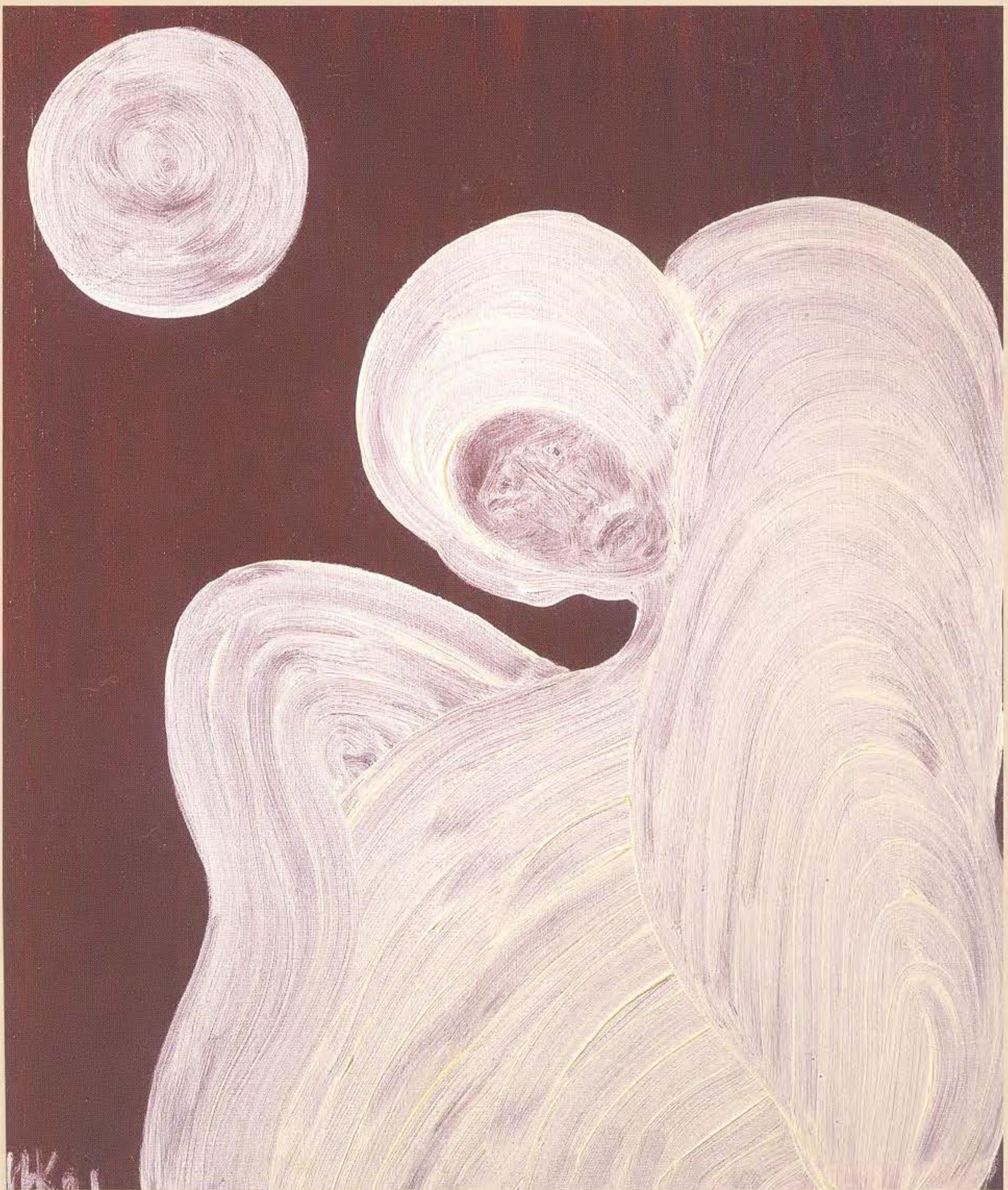
50x60, canvas, oil. 2001

Lithuania (Vilnius), gallery

Der gefallene Engel (die verirrte Seele)

50x60, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Vilnius), Galerie

Чёрное солнце Голгофы

100x80, холст, масло. 2001

Россия (Самара), частная коллекция

Black Sun of Calvary

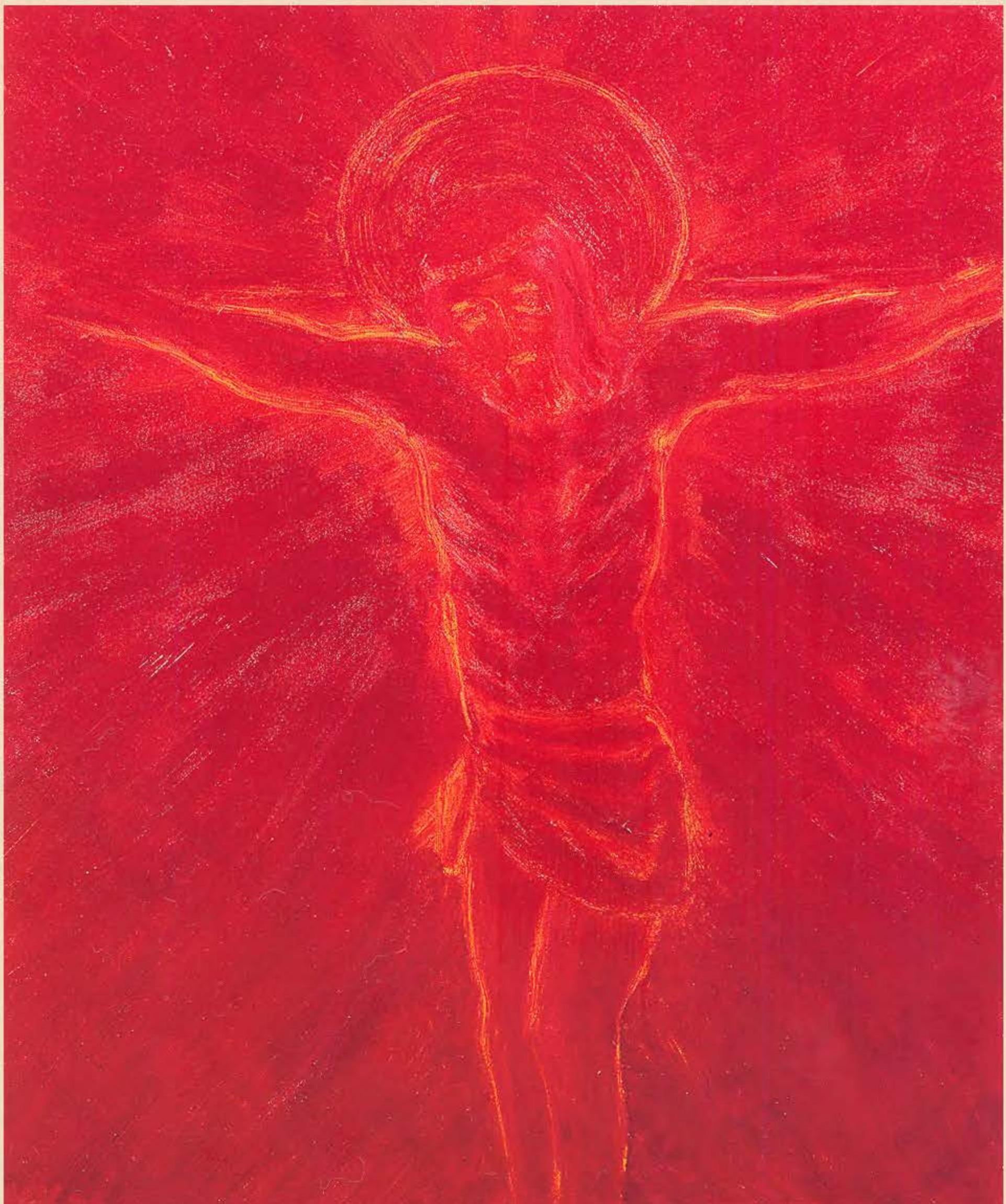
100x80, canvas, oil. 2001

Russia (Samara), private collection

Die schwarze Sonne von Golgota

100x80, Leinwand, Öl. 2001

Russland (Samara), Privatsammlung

Врата

60x50, холст, масло. 2001

Литва (Вильнюс), частная коллекция

The Gate

60x50, canvas, oil. 2001

Lithuania (Vilnius), private collection

Das Tor

60x50, Leinwand, Öl. 2001

Litauen (Vilnius), Privatsammlung

paintings

IGOR
KALINAUSKAS

Перевод на английский язык / Translation into English / Übersetzung ins Englische
Indra Sindaravičienė

Перевод на немецкий язык / Translation into German / Übersetzung ins Deutsche
Evelina Ružienė

Оформление / Layout and design / Künstlerische Darstellung
Judita Židžiūnienė

Тираж 1000, Заказ РУ 10146,
Фонд Лики Культур, Санкт Петербург, Россия.
Печать "Кора", ул. М.К. Čiurlionio 82а, LT-2600;
Вильнюс, Литва.

IGOR KALINAUSKAS

was born on 7th February 1945 in Novgorod, in Russia. For 30 years he is known as a theatre director and an actor who staged 68 productions at many drama theatres in the former USSR.

He is a Doctor of Philosophy and Psychology, a professor and vice-president of the "Information, Communication, Control in Engineering, Nature, Society" International Academy. Igor Kalinauskas is the author of numerous scientific articles and monographs. More than 100 thousand copies of his three books "Alone with the World", "Spiritual Community" and "The Art of Living" were published and translated into English, Lithuanian and Slovak languages.

He is a many-sided personality. In 1996 he took a great interest in painting. His quickly progressing artistic creative power now attracts more and more connoisseurs of art. Most of his works are already in private collections in Russia, Ukraine, Cyprus, Slovakia, Holland and Lithuania.

